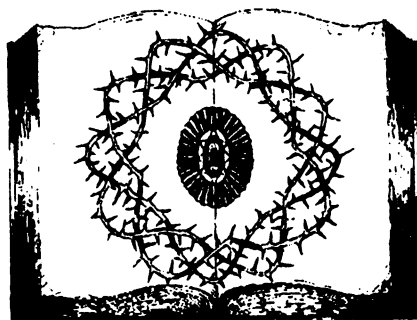


№ 1 (130)
Январь – Март 1993 г.

ВОЕННАЯ СЛОВА



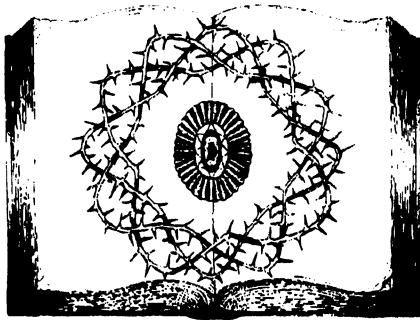
МОСКВА

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№1 (130)

Январь — Март 1993 г.

ОТ РЕДАКЦИИ



Господа!

Перед Вами — номер журнала “Военная Быль”.

Что это за журнал, плох он или хорош, нужен ли он — судить Вам.

А для нас — создателей журнала — суть и смысл нашего издания заключены в девизах трех полков Российской Императорской Армии.

“ПОМНИТЕ, ЧЬЕ ИМЯ НОСИТЕ”.

В 1950-ые — 70-ые годы в Париже шесть раз в год выходил журнал Обще-Кадетского Объединения “Военная Быль”.

Его главным редактором был Алексей Алексеевич Геринг.

Офицер Российского Императорского Флота, участник Белой борьбы, много времени и сил положивший на воспитание молодых россиян, заброшенных кровавым вихрем Русской Смуты в “Чужие города”, — он на чужбине сплотил вокруг себя дружину единомышленников и два десятка лет руково-

дил изданием, любовно собиравшим и спасавшим от забвения осколки былого (и, как верилось, будущего) величия России: драгоценные свидетельства участников и очевидцев великих потрясений, “дней поражений и побед” Российской Императорской Армии и ее преемниц — Армий Добровольческой, Сибирской, Народной, Русской...

Трудами и заботами той “Военной Были” от исторического забвения была спасена коллекция писем Александра Васильевича Суворова принцу Нассау-Зигенскому.

Многолетняя публикация А.А.Власова “О бронепоездах Добровольческой армии” и тематически примыкающие к ней материалы сохранили для будущих историков ценнейший фактический материал по истории Гражданской войны на Юге России.

Именно на страницах Геринговской “Военной Были” увидела свет работа П.В.Пашкова “Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917 — 1922 годов” — первая (и по сию пору лучшая) книга по фалеристике Гражданской войны в России.

И.Ф.Рубец (50 лет спустя!) восстановил практически все “Конные атаки Российской Императорской Кавалерии в первую мировую войну”.

А.П.Еленевский — “Военные училища в Сибири”...

А какие имена — Звегинцев, Молло, Ефимов, Андоленко...



Алексей Алексеевич Геринг в форме отряда Морских Русских Скаутов во Франции, командиром которого он был (1939).

Фотография любезно предоставлена бывшим скаутом О.Д. Тарасенковым

Но военная история Отечества — это лишь одна грань парижской “Военной Были”.

Чистый литературный язык — язык Лермонтова и Дениса Давыдова, Толстого и Куприна, Тютчева и Бунина, Деникина и Шульгина — звучал на страницах Геринговской “Военной Были”.

Поэзия К.Р. (Великого Князя Константина Константиновича), рассказы Кочубея и Елисеева, да даже самая маленькая заметка из "Архива Военной Были" повстине была "чистейшей прелести чистейшим образцом" Русской Литературы.

И вот из этого соединения Былого и Языка, Истории и Литературы рождалось понимание — России...

Великое Прошлое...

Великий Язык...

Великая Страна...

"ЕСЛИ НЕ МЫ, ТО КТО ЖЕ?"

Мы — дети безвременья России...

Но все же мы — дети России...

И мы — в России!

И пусть это еще не та Россия, — Свободная, Великая, Единая, — о которой мечтается: Русский Богатырь уже проснулся, а дорогу осилит идущий.

*"Не верь в Святую Русь кто хочет,
Лишь верь она себе самой —
И Бог победы не отсрочит
В угоду трусости людской!"*

У нас нет ничего.

У нас нет громких имен, опыта издательской работы, финансовой поддержки, материально-технической базы...

И в то же время, у нас есть все.

У нас есть желание послужить любезному Отечеству, в нас жива "любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам", и у нас есть знание...

Знание родной истории, родного языка, знание, что за нас эту работу никто не сделает.

Потому, что — некому...

Потому, что — если не мы, то кто же?..

"НЕ НАМ, НЕ НАМ, НО ИМЕНИ ТВОЕМУ".

Нам не нужны великие потрясения...

И чтобы их не было, надо знать, откуда они берутся, что делает их возможными, какую цену за них приходится платить.

Нам нужна Великая, Единая, Свободная Россия...

Но, чтобы она была такой, одного слова недостаточно, необходимо дело.

Пусть возрожденный журнал "Военная Быль" станет нашим скромным вкладом в ДЕЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ!

Андрей БАЛАШОВ

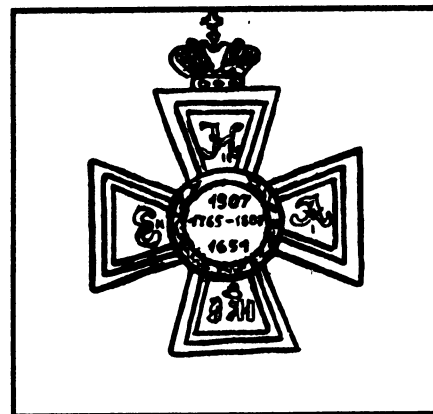
"МОЙ СЛАВНЫЙ СТАРЫЙ ПОЛК"

ПОЛКОВОЙ ПОЭТ

Публикуемые стихотворения впервые открывают для читателя имя корнета Андрея Владимировича Балашова — полкового поэта 11-го гусарского Изюмского генерала Дорохова полка.

О биографии А.Балашова известно очень мало. Одна из немногочисленных рецензий на его творчество, опубликованная в газете "В Москву!" (сентябрь 1919 г.), кратко упоминает о том, что молодой поэт "в дни первой юности своей бродил с табором цыган"; в годы Первой Мировой войны он вольноопределяющимся сражался и был ранен в рядах Изюмского гусарского полка, которому был посвящен первый сборник стихов А.Балашова "Песни гусара", увидевший свет в 1917 году. Судьба этого издания оказалась несчастливой — почти весь тираж был уничтожен большевиками, и лишь отдельные стихотворения из этого сборника позднее появлялись в периодической печати (на Юге России в годы Гражданской войны).

На первый взгляд, не очень ясны причины, побудившие представителей новой власти уничтожить сборник лирических стихотворений; на самом же деле это вполне закономерно. Действительно, Белая борьба часто начиналась с обычных человеческих чувств, растоптанных революцией, с верности идеалам и традициям Русской Армии и чувства своей Родины и ее истории, с противопоставления простой человеческой жизни с ее духовными ценностями — принесенным большевиками идеям. Не-



Нагрудный знак 11-го гусарского Изюмского полка

даром герой одной из книг замечательного писателя Русского Зарубежья, участника Белого движения Ивана Лукаша говорит:

"У красных — смерть, а у нас жизнь. Понимаешь, мы хотим жить и больше ничего. Мы хотим жизни, какая была и какая будет: подлой и героической, злой и доброй, прекрасной и гнусной. Мы сами не знаем, какой, но жизни, а не мертвецкой выдумки... Мы одни за всех умираем, чтобы для всех была жизнь. Смотри — красные обещают новую жизнь, а всем несут старую смерть..." — И с этой точки зрения, даже элегические "Песни гусара" безусловно становились в глазах большевиков явлением "контр-революционным".

Одно это могло бы послужить причиной уничтожения сборника, но помимо традиционной любовной и "гусарской" лирики, молодой поэт включил в него и стихотворение, в котором уже звучат тревожные ноты наступающего страшного времени — "К портрету Дениса Давыдова".

Любое другое стихотворение из "Песен гусара" могло бы быть написано и в 1917, и в 1914... и в 1814 году; "К портрету Давыдова" — только в роковом для России Семнадцатом. На этом стихотворении уже лежит печать эпохи, когда честные Русские воины оказались одинокими среди охватившего страну безумия. С одной стороны против них была чернь — уже почувствовавшая вкус крови толпа; с другой — самозванно присвоившие себе одним звание "граждан Рос-

сии”, претендующие на монопольное право судить всех и вся — те, кто восхищался испачканной офицерскою кровью “великой и бескровной”, “демократической Февральской революцией”; те, кто травил Келлера, с подозрением относился к Алексееву, кто предал и заключил в тюрьму Корнилова, Деникина, Маркова — немногих воинов, оставшихся верными России... Как горька, но и как справедлива фраза А.Балашова, обращенная — не к одному только Денису Давыдову, но ко всем честным, верным и ... одиноким — будущим рыцарям Белой Мечты:

Теперь таким, как ты, в России места нет!..

Стихотворением “К портрету Дениса Давыдова” заканчивается сборник А.Балашова “Песни гусара”; оно же открывает следующую его книгу, “Тебе, о Родина!”, выдержавшую в годы Гражданской войны четыре переиздания на Юге России. Там, на Дону и Кубани, собирались в Белые полки те, которым не нашлось места в “новой России” — России, переставшей быть Россией. И они подняли мечи во имя прежней и вечной Руси.

*Распята Русь, но близко Воскресенье.
Тесней ряды! За Родину! Вперед!*

— восклицает в своих стихах поэт-гусар, вновь сражающийся за Россию в рядах возрожденного в Белой армии своего родного Изюмского полка. Молодой кавалерист, прихрамывающий после ранения и опирающийся на палочку при ходьбе, с Георгиевским Крестом на груди — таким запомнился Андрей Балашов донскому поэту, подпоручику военного времени Сергею Пинусу, написавшему восторженную рецензию на его книгу. В своих стихах А.Балашов вдохновляется романтикой борьбы и ее высокими целями, возрождением в рядах Вооруженных Сил Юга России старых Русских полков, образами вождей Белого Дела — Корнилова, Алексева, Каледина. И эпиграфом к сборнику поэт-гусар поставил слова “отца Добровольческой Армии” генерала М.В.Алексеева: “Начертали на своем знамени слово ”Братство”, но не начертали его в сердцах и умах своих...” Весь свой талант, всю

полноту чувств, надежд и сомнений, волнений и переживаний, вложил А.Балашов в этот сборник. “Любовь к Родине, горячее желание помочь ей как бы мчатся в буйном беге его красивых, искренних строк”, — говорится в одной из рецензий на творчество молодого поэта.

Трагический путь Белой Гвардии привел А.Балашова в эмиграцию. Судьба пощадила того, кто еще в 1917 году воскликнул:

*Я жизнь свою сумел прожить красиво
И не боюсь красиво умереть!*

И в изгнании, до самой своей смерти (а скончался он 19 октября 1969 г.) А.Балашов остается все таким же патриотом родного полка. Он является душою всех исторических изданий, выпускаемых ветеранами-Изюмцами, любовно и кропотливо изучает историю славных гусар. Издает поэт и новые сборники своих стихов. Его талант высоко оценивает генерал П.Н.Краснов, сам незаурядный писатель. “Ваши стихи мне очень нравятся, — писал бывший Донской Атаман А.Балашову. — В них много нежной душевной чуткости. Так приятно было и отрадно после современных нелепиц, после набора придуманных, не существующих слов, прочитать настоящие Русские, звучные и глубокие по смыслу, стихи. В Ваших стихах звучат старые, так сказать, академические звуки, заповеданные нам корифеями Русской лирики. И размер, и рифма, и самые слова, простые слова дивного Русского языка — все привлекает в них, и жаль одного, что они коротки и что их мало”.

П.Н.Краснов точно подметил характерную особенность лирики А.Балашова. Его стихи в самом деле несколько старомодны, как бы из девятнадцатого века; особенно близки они творчеству Августейшего поэта К.Р. (Великого Князя Константина Константиновича). Обратил внимание на эту черту стиля поэта-гусара еще в 1919 году и укравшийся за псевдонимом “Старый Вахмистр” рецензент газеты “В Москву!” (“зачем столь часто злоупотреблять междометием “О!..””), отнеся, впрочем, это на счет молодости автора и “неокреп-

ших крыльев” его Пегаса, — очень уж “несовременным” и несколько наивным выглядел романтизм А.Балашова.

Думается, причина здесь не только в молодости. Непостижимым образом, уже в двадцатом веке, казалось бы навсегда зарывшем армии в тысячеверстные окопы, придумавшем для истребления людей аэропланы и удушливые газы, — в Белом лагере русской гражданской войны вдруг возродилась на мгновение былая романтика и особая красота прошедших времен (недаром А.Балашов пишет о красоте побед родного полка, и эта “красота тревоги бранной” и романтика боя соседствует в его лирике с любовными переживаниями), — так вспыхивает неожиданно под серой золою догорающего костра ослепительно-яркая последняя искра.

Это — белый ментик генерала Слашова, с горстью конвойцев бросающегося в бой. Это — полулегендарный и никогда, кажется, не существовавший в действительности “Полк Христа Спасителя” — добровольцы-священники и монахи, в конном строю, не сняв черных своих облачений, смертельной атакой стремящиеся на вражеские пулеметы. Это суровые и тихие дружины Святого Креста, с Православными осмиконечными Крестами на груди и на шапках, и лихие гармонисты впереди атакующих Ижевских рабочих полков, и возрождение славы, под родными седьми знаменами и штандартами, Финляндцев, Ахтырцев, Изюмцев, Ольвиопольцев...

Это — сама история Российская, собравшаяся в одну точку — сверкающую искорку догорающего костра. Это иступленное пламя самосожжения старозеров; это спокойный, но не менее от этого жаркий огонь свечи схимника Пересвета; это отблеск пламени пуншевых чаш на лицах усачей-гусаров Двенадцатого Года; это пламя Измаила, Бородина, Москвы и Севастополя, и взметнувшиеся языки казачьих костров на биваках под Парижем... Это и тот яростный, романтический и пугающе-веселый огонь, который прорвался в Пушкинских строках:

Есть упоение в бою...

И отблеск этого огня лежит и на
стихах безвестного полкового поэта
Императорской и Белой Русских
армий Андрея Балашова.

Ибо — есть упоение в бою!

Тем более, если бой — за Россию.

А. КРУЧИНИН

(Публикация и предисловие)

ПОСЛЕ БОЕВОГО КРЕЩЕНИЯ

Я окрещен! Давно желанный,
Счастливый, незабвенный день,
Ушла былой печали тень
Пред красотой тревоги бранной
И в сердце занялась заря.
Как после пролетевшей бури
Яснее блещет даль лазури,
О горней жизни говоря...
Пустив свой челн по воле рока,
Я шлю привет сиянью дня,
И внятно радость бытия
Куда-то мчит меня далеко...
И расцветает в сердце вновь
Давно желанное волнение —
Куда-то пылкое стремление,
К кому-то жаркая любовь!..

ВЕЧЕРНИЕ ДУМЫ

Люблю тебя, гусарский мой приют,
В вечерний час лампадой озаренный,
Когда на мне мой доломан червонный,
Когда мечты чего-то сладко ждут...
В окно глядит печальная луна,
И я один с родной своей гитарой,
Забыв весь мир в цыганской песне старой,
И тишины душа моя полна...
И в тишине встают передо мной
Минувших лет минувшие виденья,
Былому я не брошу сожаленья,
Былое — сон души моей больной...
И, может быть... как знать? вернусь ли я?..
Судьба вовек не ведала запрета,
Как рвется лист нежданно в бурю лета,
Так, может быть, порвется жизнь моя...
Но, кто любил, — о чем тому жалеть!
Я счастья знал приливы и отливы,
Я жизнь свою сумел прожить красиво,
И не боюсь красиво умереть!..

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА

Я ранен. Каждый день сестра приносит мне
Фиалки нежные; их аромат душистый,
Их лепестки — мечты мне шепчут о весне,
И тихий взгляд сестры покоится на мне,
Как звезды дальние, лучистый...
Мне хорошо с сестрой; ее зовут Анель,
И скромный красный крест к ней так легко подходит,

И кажется, любовь ея всей жизни цель —
И малой злобы тень к ней в сердце не заходит...

Как я люблю лазурь ея глубоких глаз;
Когда в ней тонет взор, тревога в сердце тает.
И как я рад, когда в вечерний тихий час,
Как ангел, в белом вся, она ко мне слетает...
Мы с нею говорим о многом, о войне,
О жизни, обо всем, о чем заговорится,
Но только не о том, что в сердца глубине
Все с каждым днем растет и что не может скрыться..
Как может сердце скрыть без слов понятный взгляд,
Небесный взгляд очей, как звезды голубые,
О, речи глаз ея яснее говорят,
Чем все слова любви... мы с нею как родные...
Но отчего вчера она ко мне пришла
Грустнее, чем всегда, и отчего слезою
Она, ко мне склонясь, мне руку обожгла,
Лишь только я назвал ее своей родною?..
Сегодня слышал я, как доктор ей сказал,
Что мне лежать уже недолго здесь осталось,
Но почему он мне так крепко руку сжал,
И почему Анель ушла и разрыдалась?
Мне лучше с каждым днем. Я словно весь в огне...
Ужели скоро в бой!.. О, как я буду биться,
Мой славный старый полк!.. Анель сказала мне,
Что будет за меня всю жизнь она молиться...

.....
Так в дневнике своем дрожащею рукой
Оставил он вчера последнее сказанье...
Вчера... а поутру... сегодня, над рекой
Зарыли прах его, и льет благоуханье
Могила свежая с фиалками на ней.
Их принесла Анель... Навек угасли грезы.
Ея тоска без слез, лишь строгий лик бледней, —
Когда разбита жизнь — тогда не льются слезы.

К ПОРТРЕТУ ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Как часто в эти дни, беспомощно болея
За счастье Родины истерзанной моей,
Я на тебя гляжу с тоской, благоговей,
И мыслю о тебе, гусар далеких дней!
На саблю опершись, беспечно-величавый,
Ты как живой стоишь в мечтах передо мной,
Задором тешит взор свидетель громкой славы,
Товарищ жарких дел — твой ментик боевой...
Ты в жизни все свершил для Родины любимой —
И воин, и поэт — равно ты отдавал
Отчизне жизнь свою, — и рок неотвратимый
Бессмертный образ твой бессмертьем увенчал.
Когда б ты ожил вдруг, когда б ты вдруг увидел,
Как твой родной народ Россию разлюбил —
О, как бы ты тогда его возненавидел,
И проклял бы его, и верно б не простил!
Ты б не стерпел, гусар! ты верно б саблю вынул,
Вскипев душой... за что? к чему святой порыв?
В тебя бы «гражданин» со злобой камень кинул,
Великий подвиг твой изменой окрестив.
Я рад, что нет тебя, герой неумолимый, —
Теперь таким, как ты, в России места нет!..
Ты в жизни все свершил для Родины любимой —
Спи безмятежным сном, гусар далеких лет!

НА ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗЮМСКОГО ГУСАРСКОГО ГЕНЕРАЛА ДОРОХОВА ПОЛКА

*«Он (полк) живет и будет жить!»
Ротмистр Б.Н.Слезкин
(письмо Изюмцам, 1918 г.)*

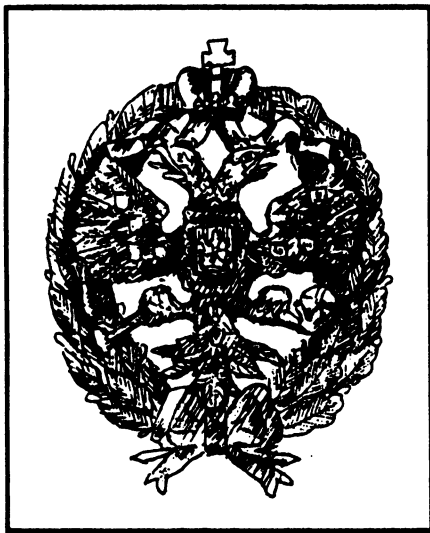
Нет! ты не умирал, мой славный старый полк!
Как встарь, твой ратный стяг — седой штандарт с тобой!
Нет! ты не умирал, ты лишь на миг умолк,
Как мощный вихрь, в затишье пред грозой.
Умолк... но грянул гром над Русскою землей,
И, средь ея сынов не тщетно горделивых,
Ты первый подседлал коней своих ретивых
И первый ты помчался в бой!
Я верю, красный враг падет изнеможенный,
И вновь средь мрачных туч пробьется синева,
И синий ментик твой и доломан червонный
Увидит вновь спасенная Москва!
Москва!.. вперед, мой полк! туда, к Первопрестольной,
Где, под напев Иуд, рекою льется кровь,
Туда, где наконец, за песней колокольной,
Сроднит сердца всеильная любовь...
Ты жив! в твоих сынах живут герои деды!
Прейсиш-Эйлаусский крест не может потускнеть!
Ты жив! и не умрут вовек твои победы,
Как красота не может умереть!

ПЕРЕД ПОРТРЕТОМ ДОРОХОВА

*К 140-летию со дня кончины
Вечного Шефа Изюмцов
1815 — 25 апреля — 1955*

Сегодня умер Дорохов... священный
Сегодня день для сердца моего.
Душа полна тревоги вдохновенной,
Все думы с ним, я чувствую его.
Опять душа в молитве помянула
Того, с кем дух навеки породнен,
И по тому, как сердце всколыхнуло,
Увидел я, как сердцу близок он.
Стою пред ним, гляжу с благоговеньем,
Знакомый взгляд мне столько говорит, —
Я чувствую его благословенье,
Оно меня врачует и живит...
Не пред его могилою священной,
Не в Верее, в притворе храмовом,
В чужом краю, коленопреклоненный,
Молился я о нем, как о живом...
Да, он живет во мне, незримый зритель
И чувств моих, и помыслов, и дел, —
Он, как отец, как дух-путеводитель,
Животворит бездольный мой удел.
И слышу я: — «Под бременем ударов,
Крепись и верь: воскреснет наша Русь...
И знай: всегда за верных мне гусаров
У Вышнего Престола я молюсь...»

¹ 11-ый Гусарский Изюмский полк первый из полков регулярной кавалерии начал под родным штандартом свою боевую службу в рядах Добровольческой Армии. Доблестная работа лихих Изюмцев неоднократно отмечена в сводках. (Примечание А.Балашова. — А.К.)



Нагрудный знак Императорской
Николаевской Военной Академии

С. ЛИПАТОВ

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ НЕЗРИМОЙ ВОЙНЫ

Борьба русской и германской разведок в Первую Мировую войну

Материалов по данной теме очень мало. Мемуаров, которые бы прямо относились к ней — незначительное количество. Интересно и то, что художественная литература тоже обходила эту тему стороной — можно назвать пятьдесят книг, список которых может открыть по праву “Ремесло сатаны” Н.Н. Брешко-Брешковского, а закончить “Честь имею” В.С. Пиккуля. Романисты грешат художественным вымыслом, в котором не откажешь и авторам мемуаров. Поэтому многие дошедшие до нас факты о деятельности секретных служб того периода имеют спорный, а иногда и противоречивый характер. Данная статья представляет собой лишь скромную попытку изложить то малое, что известно о работе русской и германской разведок и контрразведок во время Великой войны.

Пруссия славилась прочностью своего полицейского аппарата, но наиболее современная и действенная форма ему была придана мастером политического шпионажа и разведки доктором Вильгельмом Штибером. Именно он в 1851 г. разоблачил конспиративную сеть “Союза коммунистов” К.Маркса и Ф.Энгельса в Европе и подвел некоторых наиболее активных его деятелей под суд. При этом он использо-

вал несколько сфальсифицированных протоколов, за что Ф.Энгельс удостоил его характеристики “подлейшего полицейского негодяя нашего столетия”.

Вильгельм Штибер был тем человеком, с помощью которого О.Бисмарк обеспечил себе мирное сосуществование с Императорским двором России, объединив усилия для борьбы с демократическим движением.

Растущая военная мощь Пруссии требовала информации военного характера о соседних государствах. Ведомство, возглавляемое В.Штибером, способствовало успеху прусской армии во время Австро-прусской войны 1866 г. и Франко-прусской войны 1870-1871 гг. Однако прусский генералитет чисто из кастовых соображений всегда стремился недооценивать услуги, которые ему были оказаны В.Штибером.

Во время Франко-прусской войны задача сбора и обобщения информации о противнике в германском Генеральном штабе была возложена на отделение в третьем (французского) отдела генералквартирмейстера. С того времени разведывательная служба Германии получила название IIIb. Тогда разведывательной службе удалось получать сведения, оказавшие существенное влияние на ход операций. Особенно большую роль она сыграла под Седаном, где благодаря точным и своевременно полученным данным прусской армии удалось окружить и разгромить главные силы французов.

Сразу же после Франко-прусской войны военной разведке в Германии перестают уделять какое-либо внимание. Это объяснялось тем, что состояние Французской армии было известно, наблюдение за ее восстановлением не представляло труда. А дружественные отношения Германии и России и ровные отношения с Англией позволяли отказаться от ведения разведки в отношении этих государств и сократить средства на содержание ее аппарата. Отдел III b Генерального штаба в течение трех десятилетий после Франко-прусской войны был представлен только несколькими

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения А.В.Балашова печатаются по изданиям:

“После боевого крещения”: Андрей Балашов. Песни гусара. — Борисоглебск, 1917. — Стр. 13.

“Вечерние думы”: В Москву! Орган Русской национальной мысли. — №5. — Ростов на Дону, 21 октября (3 ноября) 1919 г. — Стр. 2. Впервые опубликовано: А.Балашов. Песни гусара. — Стр. 11.

“Последняя страница дневника”: В Москву! — №3. — 7 (20) октября 1919 г. — Стр. 2. Впервые опубликовано: А.Балашов. Песни гусара. — Стр. 9.

“К портрету Дениса Давыдова”: А.Балашов. Песни гусара. — Стр. 14. Впоследствии стихотворение вошло в сборник А.Балашова “Тебе, о Родина!”

“На возрождение Изюмского Гусарского Генерала Дорохова полка”: В Москву! — №2. — 30 сентября (13 октября) 1919 г. — Стр. 2.

“Перед портретом Дорохова”: Военная Быль. Издание Общекадетского объединения. — №17. — Париж, март 1956 г. — Стр. 23.

офицерами. Их работа сводилась к наблюдению за деятельностью французской разведывательной службы против Германии, то есть, к контрразведке.

С изменением политической обстановки в Европе возникла необходимость в разведывательной информации для обеспечения военного стратегического планирования. Плановая организация разведывательной службы началась в 1904 г. при участии начальника отдела IIIb полковника Бронде и начальника русского отделения полковника Лауэнштайна. Первой задачей отдела IIIb в этом направлении было выяснение мобилизационных возможностей и наблюдение за реорганизацией Русской армии после русско-японской войны. Задачи разведывательной службы в России быстро усложнились. Строительство крепостей на рубежах по Неману, Нареву и Висле, расширение сети стратегических железных и шоссейных дорог в западной России, перемещение войск в Польшу, использование французских капиталовложений в русской военной промышленности для проведения реформ в военном деле и перевооружения требовали постоянного внимания со стороны германского Генерального штаба.

В связи с изменением политической обстановки Россия также была вынуждена усилить разведывательную деятельность в Германии. С 1910 г. германская контрразведка отмечала, что действия разведок стран Антанты носят скоординированный характер. В Германии количество судебных процессов по делам о шпионаже неуклонно росло: в 1907 г. было вынесено всего 3 приговора, в 1914 г. — 51, всего за эти семь лет суды Германии рассмотрели 135 дел по этой статье, из них в шпионаже в пользу России обвинения предъявлялись в 41 случае. В большинстве из них к суду привлекались немецкие граждане, работавшие по той или иной причине на русскую разведку. Были здесь и жертвы шпиономании — граждане Российской империи, арестованные накануне или в самом начале войны.

К неудачам русской разведки

того времени можно отнести дело о высылке из Берлина русского военного агента полковника А.А. Михельсона. Не долго проработал и прибывший ему на смену военный агент полковник П.А. Базаров, который тоже был выслан из-за того, что пренебрег правилами конспирации и направил в Петербург с простым курьером приобретенные у одного из чиновников Генерального штаба Германии за 50 тысяч марок планы укрепрайонов. Курьер был задержан с поличным.

Русская военная разведка представляла собой наиболее крупную разведывательную организацию в Европе. Она располагала наиболее значительными денежными средствами. Ее общее руководство осуществлялось Главным управлением Генерального штаба в Петербурге. Информация от агентуры и военных агентов (атташе) посольств в Стокгольме, Копенгагене, Брюсселе, Париже, Берне, Вене и Берлине поступала в 5-е (разведывательное) делопроизводство управления 2-го обер-квартирмейстера, которое в 1913 г. было преобразовано в Особое делопроизводство, находившееся в непосредственном подчинении генерал-квартирмейстера. Эта реорганизация была проведена в связи с возросшей ролью “организации негласной разведки и борьбы со шпионажем”.

Военная разведка и контрразведка не занималась вопросами политического сыска и подрывной деятельности политических эмигрантов. Эти задачи были возложены на Отделение охраны общества и порядка (Охранное отделение) и Отдельный корпус жандармов, находившиеся в составе Министерства внутренних дел. Охранное отделение, имевшее сеть своих агентов по всей Европе, оказывало поддержку военной разведке. Заграничные представители Охранного отделения в случае необходимости передавали свою агентуру в распоряжение военной разведки.

Военным агентам на негласную разведку отводилось 1000 рублей в год. О всякой другой затрате сверх этой суммы требовалось запрашивать Петербург.

Непосредственно через русско-

германскую и австро-венгерскую границы разведку вели разведывательные отделения штабов военных округов. Разведывательные отделения в Санкт-Петербурге, Вильне и Варшаве были направлены против Германии, в Варшаве и Киеве — против Австро-Венгрии. Таким образом, благодаря своему исключительному стратегическому положению особенно активную деятельность вело варшавское отделение, которым руководил полковник Н.С. Батюшин.

Разведывательную информацию получали и обрабатывали специально подготовленные офицеры, имевшая разветвленная агентурная сеть, отделение получало разведывательные данные от пограничной стражи, находившейся в подчинении штаба округа, и от жандармов, дежуривших на пункте пропуска через границу.

Об успехах русской разведки в то время говорит хотя бы тот факт, что “Перечень немецких и австрийских документов, полученных разведывательным отделением в Варшаве с 1907 по 1910 гг.” содержал 120 строго секретных документов и планов. Но это была лишь небольшая часть той информации, которая была получена русской разведкой в то время. Деятельность австро-венгерской разведки и контрразведки была почти полностью парализована благодаря информации, которую русская разведка приобретала у полковника австро-венгерской армии Редля. В этом тоже немалая заслуга русских разведчиков.

Русская контрразведка накануне войны сталкивалась с большими трудностями. Как вспоминал позднее один из офицеров контрразведки С.М. Устинов, “нити шпионского мотка приводили иногда туда, куда руководители контрразведки, несмотря на все свои подозрения, не смели войти... Шпионы были даже при дворе, чему способствовало распространение германофильства... Сторонники Германии если и не были всегда шпионами, то во всяком случае весьма им содействовали”.

Германия и Австро-Венгрия вели разведку против России всеми

средствами и по всем каналам: через военных атташе и их агентуру, через посольства и консульства, через торговые и промышленные фирмы. Однако официально информационная деятельность германских военных атташе носила ограниченный характер. Формально им была запрещена любая шпионская деятельность. То же положение действовало и в министерстве иностранных дел для германских представительств за рубежом. Впрочем, этим запрещением всегда пренебрегали. Выделяемые для ведения разведки по линии военного ведомства денежные средства с 1905 г. постоянно увеличивались и их сумма к началу войны достигала полумиллиона марок в год (по крайней мере). Кроме того, на нужды разведки использовались доходы, иногда достигавшие несколько сотен тысяч рублей, получаемые от продажи дезинформации по агентурным каналам. Однако по свидетельству начальника отдела IIIb подполковника Вальтера Николаи, этой суммы было недостаточно. Тем не менее, средств хватало, чтобы вести разведку и подрывные действия против России по нескольким направлениям.

Большую поддержку (в том числе финансовую) германской разведке могли оказывать германские промышленники. В той или иной степени германский капитал внедрился почти во все главные отрасли промышленности России. По данным сводок 1913 г. капиталы немецкого происхождения составляли по газовым предприятиям свыше 70 процентов, а в электротехнической — около 85 процентов всех основных капиталов этой отрасли промышленности.

Прогерманское влияние можно было оказывать через русских партнеров германских банковских воротил из делового мира. Трудно не только их идентифицировать, но и вообще выявить их подлинные политические взгляды и каналы влияния на правительство России.

Определенным образом могло быть использовано и дремавшее до времени революционное движение, которое могло в случае необхо-

димости внести дезорганизацию и подорвать Россию изнутри.

Говорить о наличии какой-либо единой прогерманской партии при дворе, в кругах аристократии, в промышленности, среди политических партий неправомерно. Разведкой использовались только отдельные лица и группы людей, причем не всегда “в открытую”, то есть, определенные люди делали свое дело, добивались своих целей, стремились к своей выгоде, попутно оказывая помощь секретным службам противника, а те организовывали им негласную поддержку, порой даже независимо от желания “протезе”.

В последнее время появилось много переизданий книг, вышедших в 20-е годы об известном Г.Е. Распутине. Их авторы в силу вполне понятных причин склонны причислять его чуть ли не к платным германским агентам, некоторые ссылаются при этом на архивы русской контрразведки, однако не указывают при этом ни название архива, ни архивных реквизитов этих документов. У некоторых современных авторов (с претензией на историческую достоверность) хватает фантазии описывать встречи Г.Е. Распутина с германским военным атташе, снабжавшим Г.Е. Распутина деньгами и инструкциями о том, что и как надо говорить Царю. При этом Император Николай II и Императрица Александра Федоровна тоже становились такими же германскими агентами. Эта ложь и выдумки кочуют по страницам мемуаров и романов с двадцатых годов, ссылки на документы нигде не приводятся, даже не делаются ссылки друг на друга. Во время войны домыслы, дезинформация и клевета распространялись со страниц буржуазно-демократической и социалистической прессы, иногда она прямо направлялась германской агентурой.

По некоторым предположениям, летом 1914 г. германская агентура через Распутина пыталась замедлить вступление России в войну, чтобы выиграть время и избежать войны на два фронта. Но взгляды Г.Е. Распутина на войну были известны и раньше. О своем

отношении к ней он сказал еще в разгар Балканской войны 1912 г., и убедил Императора не начинать мобилизацию. В период кризиса в июле 1914 г. Распутин не было в Петрограде. Находясь в больнице после покушения, он тоже предпринял все возможное, чтобы не допустить вступления России в войну. Но влияние его вообще многие авторы склонны преувеличивать. А что касается связей Распутина с германской разведкой, то это, по видимому, клевета, имевшая конкретную и вполне определенную цель опорочить Царскую семью.

Время длительных кризисов стало хорошей школой для разведывательной службы Германии. Начальник Генерального штаба сухопутных войск в своем первом распоряжении после начала войны сказал офицерам отдела IIIb: “Вы достигли больших успехов в период напряженности и мобилизации, которые тем более замечательны, когда война начинается неожиданно”. Следующей задачей была разведка процесса развертывания армий противника. До начала операций германской разведке удалось полностью вскрыть развертывание как русских, так и французских армий. Этим объяснялись своевременные коррективы стратегических планов, позволившие вовремя перебросить значительные силы в Восточную Пруссию. Это хотя и замедлило наступление на Западе, но предотвратило катастрофу на Востоке и позволило нанести тяжелое поражение русской армии.

Активная деятельность накануне и в начале войны почти исчерпала средства, находившиеся в распоряжении германской разведки. Поэтому она перестала уделять внимания мелким деталям. В период маневренной войны информация об армии противника получалась главным образом от войсковой разведки. Агентурная разведка не успевала за событиями и не могла играть основную роль в получении информации.

Когда к исходу 1914 г. фронты стабилизировались, задача по разведке противника была полностью возложена на войсковые службы, а на отдел IIIb возлагаются еще и за-

дачи по организации контрразведки, организация которой началась только осенью 1914 г.

Деятельность германской разведки осложнялась войной на два фронта. Протяженность фронта на Востоке, отсутствие развитой дорожной сети, единственная граница с нейтральной Швецией, которую легко было контролировать, способствовали запозданию сообщений.

Румынским, сербским, итальянскими фронтами занималась австро-венгерская разведывательная служба, салоникским фронтом — болгарская, кавказским, персидским и египетским — турецкая разведка. Их организация и результаты деятельности были ничтожны. Интерес германского Генерального штаба к войскам противника, находящимся на других театрах военных действий, постоянно рос, а данных, полученных только от войсковой разведки, было недостаточно для принятия стратегических решений.

Генерал фон Фалькенхайн потребовал от военной разведки установить связи с разведывательными службами других ведомств, что на первых порах не дало необходимого эффекта. Только в министерстве иностранных дел имелась достаточно эффективная информационная служба, объединившая в своем составе чиновников министерства иностранных дел и офицеров разведки, из которых и был создан при Генеральном штабе отдел "Р" ("Политика"), который занимался политической разведкой. Результаты деятельности этого отдела с успехом использовались в интересах Генерального штаба.

Русская военная разведка начала войну неудачно. Как показал ход событий в Восточной Пруссии, войсковой разведке не удалось вскрыть ход развертывания германской армии на этом участке фронта. В тяжелом положении находилась и агентурная разведка. Во время кризиса и в начале войны по разным причинам не оказалось военных атташе в Швейцарии, Швеции, Бельгии. В результате провала русский военный агент в Дании был лишен агентурных связей в Герма-

нии. Военный агент в Швейцарии полковник Гурко накануне войны был отозван и не передал агентурных дел. В результате русскому военному агенту во Франции полковнику Игнатьеву пришлось затратить немало времени в разгар кризиса и в начале войны, чтобы обеспечить получение информации через нейтральную Швейцарию.

Одной из сложнейших задач, стоявших перед германской армией, был вывод России из войны. В результате кампании 1915 г. выполнить эту задачу не удалось. В связи с невозможностью вести войну на два фронта активизировалась немецкая политическая разведка, в которую входили дипломаты, наиболее подготовленные офицеры военной разведки и некоторые представители политических партий Германии.

Дипломатия и секретные службы Антанты, наоборот, стремились не допустить выхода России из войны. Для содействия стремлениям союзников огромное значение имела верность Императора Николая II идее Антанты. Но на третий год войны одной верности Российского Императора союзникам было мало. Назревали события, грозившие вывести Россию из войны. "Старый друг" Англии министр иностранных дел Сазонов ушел в отставку, его место занял сторонник сепаратного мира Штюрмер. За скорейшее прекращение войны выступил в своих проповедях и Г.Е. Распутин, за что навлек на себя обвинения в шпионаже.

В этих условиях посол Великобритании Бьюкенен взял на себя роль конституционного советника Императора. В частных беседах он внушает ему необходимость реформ, сближения с народом. Целью всего этого заключалась в одном — вернуть армии боеспособность, а стране — готовность вести войну до победного конца (разумеется, в интересах Великобритании).

Но Император Николай II становится явно неспособным далее выполнять ту "историческую роль", которую отводили ему союзники. И Бьюкенен начинает открытые выступления с критикой суще-

ствующих в России порядков, сближается с лидерами думской оппозиции. Великобритании было необходимо поставить в России ту власть, которая могла бы обеспечить дальнейшее активное участие России в войне. Император этого обеспечить уже не мог и вынужден был уйти.

Русской контрразведке в 1915-1916 гг. удавалось противостоять разведкам срединных держав. Одним из наиболее широко известных дел того времени было "Дело полковника Мясоедова". Но однозначно его рассматривать нельзя. Оно несет на себе отпечаток пропаганды, и в то же время смеси "грубой работы" и наивности контрразведки, придворных интриг и газетных сплетен.

Жандармский полковник Сергей Николаевич Мясоедов служил с 1901 г. на Вержболовском жандармском пограничном пункте, хорошо был знаком с военным министром В.А. Сухомлиновым, неоднократно получал награды от Императора Николая II. В 1909 г. его назначили начальником военной контрразведки, несмотря на имевшиеся против него компрометирующие документы (привлечение к суду, махинации, широкие связи в Германии). В 1912 г. А.И. Гучков начал в прессе кампанию против В.А. Сухомлинова, при этом С.Н. Мясоедов обвинялся в шпионаже и махинациях. Мясоедов ушел в отставку. С начала войны Мясоедов снова в армии. В декабре 1914 г. в Главное управление Генерального штаба прибыл из германского плена подпоручик Колаковский, заявивший, что с целью освобождения из плена он принял предложение германской разведки заняться шпионской деятельностью в пользу Германии, и что ему было рекомендовано установить связь с Мясоедовым, якобы уже пять лет работавшим на германскую разведку. (Этот факт настораживает. Довольно наивная пара для столь ценного агента, которым должен был быть Мясоедов, первый попавшийся, согласившийся работать на германскую разведку человек). Тем не менее, этого было достаточно, чтобы С.Н. Мясоедов был привлечен к военно-полевному суду. Его обвинили в передаче

германской разведке важных документов, среди которых был составленный военным министром Сухоминовым "Отчет о состоянии и мерах подготовки русской армии в 1909-1913 гг.", причастности к провалу полковника Редля и мародерстве. 19 марта 1915 г. по приговору суда Мясоедов был повешен в Варшавской крепости.

Начальник Отдела III подполковник Вальтер Николаи в своих мемуарах писал, что Мясоедов не был шпионом. Он был удачливым разведчиком и стал жертвой зависти коллег и борьбы политических группировок. А офицер русской военной контрразведки С.М. Устинов считал, что "обвинения, предъявленные Мясоедову на суде в Варшаве в 1915 г. были серьезно обоснованы, факт связи его с германским генеральным штабом был доказан. Но контрразведке не удалось до конца раскрыть все тайные пружины этого дела, спрятанные в глубине дворцовых интриг. Признание Мясоедова на суде, что он давал сведения германскому Генеральному штабу ради спасения монархии — парадоксальное, но правдивое признание, если принять во внимание убеждение некоторых личностей при дворе, что монархия могла спасти себя путем предательства народа". Понятно, что разведчики как правило оставляют мемуары "для пользы дела", т.е. многому в

них просто нельзя верить, но два взаимоисключающих свидетельства налицо.

Очень приблизительно можно судить о потерях русской разведки по следующим данным: в Германии с 1914 г. по 1 марта 1917 г. за шпионаж в пользу России было осуждено 36 человек, из них к смертной казни было приговорено 18, к пожизненному заключению 2, к различным срокам тюремного заключения — 16 человек. Ответить в настоящее время на вопрос, кто были эти люди, как они жили и боролись, каковы их судьбы, вряд ли возможно. От многих из них остались лишь эти цифры в статистическом отчете Министерства Юстиции Германии. А по окончании Великой войны вспомнить о людях, рисковавших собой ради победы русского оружия, было некому. Скорее, наоборот, было сделано все, чтобы они были забыты как можно быстрее.

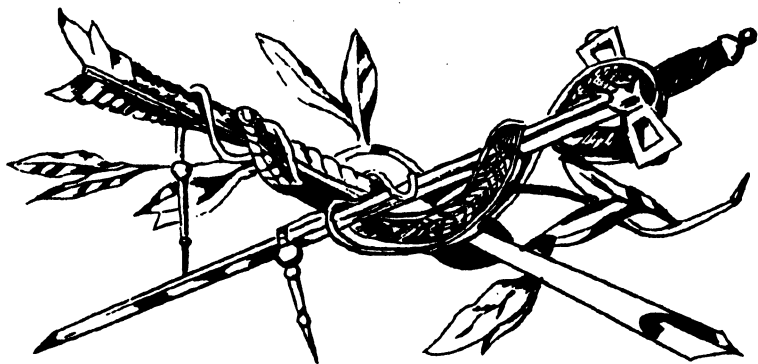
К 1917 г. главной и наиболее трудной задачей для германской разведки и дипломатии оставался вывод России из войны. Вильгельм II предпринимал даже попытки дипломатического контакта с Николаем II через третьих лиц, но эти попытки закончились неудачей. Необходимо было добиться вывода России из войны любой ценой. И в 1917 г. германские секретные службы сделали ставку на "революционизацию" России...

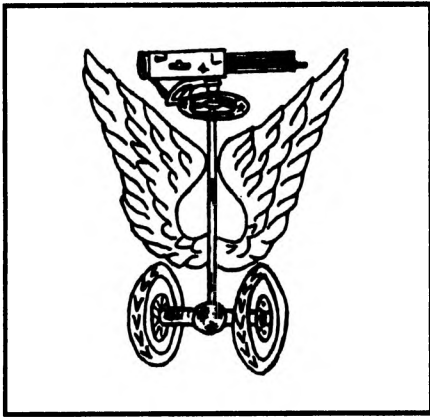
**М. БАРЯТИНСКИЙ,
М. КОЛОМИЕЦ**

БРОНЕ- АВТОМОБИЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОР- СКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

К постройке броневедомостей в России приступили сразу же после начала I Мировой войны. 17 августа 1914 г. Военный министр генерал-адъютант В.А. Сухоминов, вызвав к себе Лейб-Гвардии Егерского полка полковника Добржанского, предложил ему сконструировать и сформировать "бронированную пулеметную автомобильную батарею". Эта работа была выполнена в рекордно короткий срок, и уже 19 октября 1914 г. 1-я Пулеметная автомобильная рота отправилась на фронт в распоряжение штаба 1-й армии.

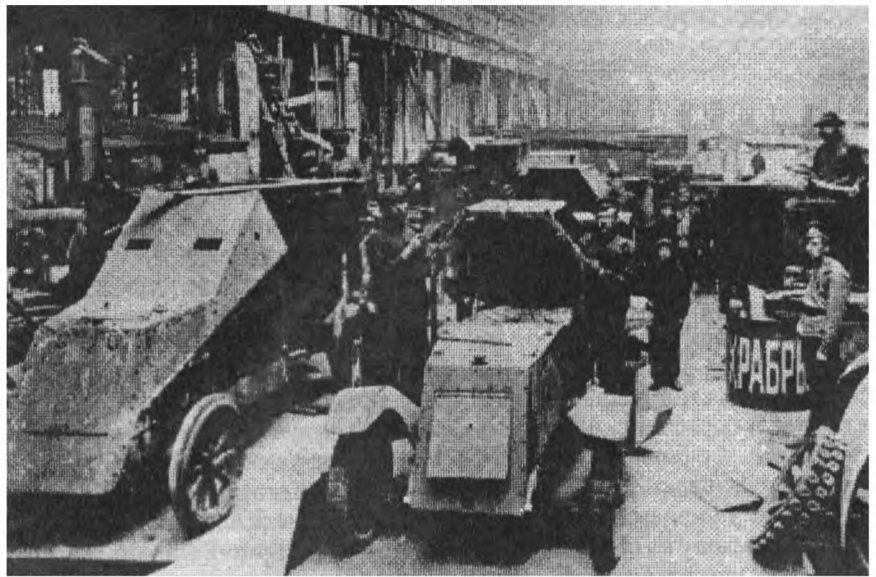
Первоначально в ее составе имелось 8 пулеметных броневедомостей на шасси "Руссо-Балт" и один пушечный — на шасси 5-тонного грузового автомобиля "Манесман-Мулаг", вооруженный 47-мм морской пушкой. Кроме того, в составе взвода автопушек роты имелось два небронированных грузовика с 37-мм автоматическими пушками Максима-Норденфельда. Последние могли вести огонь как с кузова, так и с грунта — с колесного лафета. Позже число грузовиков с 37-мм автоматическими пушками достигло четырех.





Эмблема авто-броневых частей
Российской Армии

Производственных мощностей Русско-Балтийского вагонного завода — единственного в то время производителя автомобилей в России — явно не хватало для выпуска необходимого количества шасси для броневиков. Поэтому в Англию была отправлена комиссия, возглавляемая Начальником Военной автомобильной школы полковником Секретевым, имевшая целью закупку большого количества автомобильной техники, в том числе и броневых автомобилей. В результате деятельности комиссии было закуплено 48 броневиков на шасси



Цех бронирования автомобилей Ижорского завода (Петроград), 1915. Бронироваются автомобили: слева — «Уайт» (по системе штабс-капитана Мгбберова), справа — перебронировуется «Остин» (1-ой заготовки).

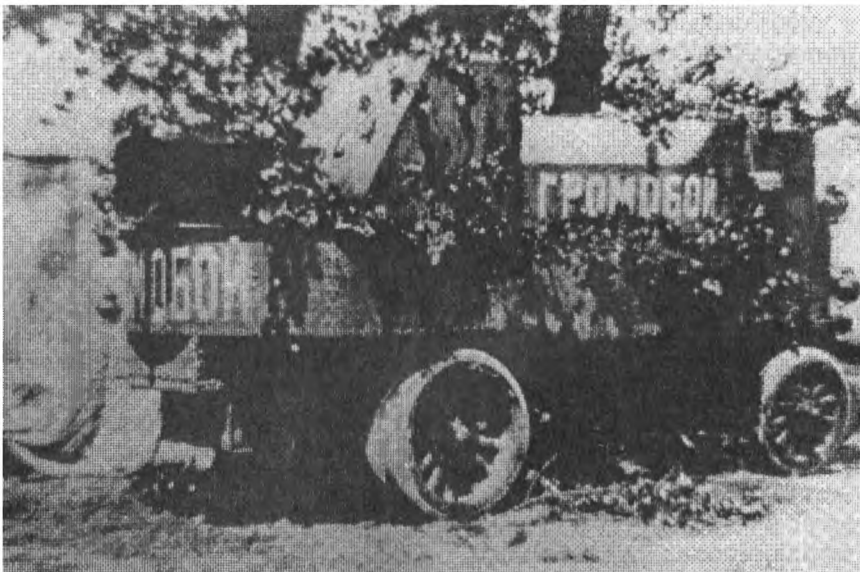
«Остин», 40 «Рено» и один «Изотта-Фраскини».

Первые «Остины», которым суждено было стать наиболее массовым типом броневых автомобилей в Русской армии, начали прибывать в Россию к концу 1914 года. С конца декабря началось формирование пулеметных автомобильных взводов, в штат которых первоначально входило три «Остина». Необходи-

мо отметить, что 4-мм английская броня не выдерживала никакой критики. Поэтому уже зимой 1915 г. все вновь прибывающие «Остины» поступали на Ижорский завод, где английская броня заменялась на 7-мм русскую.

Опыт боевых действий 1-й Пулеметной автомобильной роты выявил потребность и в пушечных броневиках. В результате, уже в начале 1915 г. на Путиловском заводе началась работа по бронированию 4-тонных американских неполноприводных автомобилей «Гарфорд», вооруженных 76-мм противотанковой пушкой и тремя пулеметами. По новому штату в каждом пулеметном автомобильном взводе полагалось иметь два пулеметных и один пушечный броневой автомобиль.

Весной 1915 г. в Россию начали прибывать в разобранном виде и броневики «Рено». Эти машины, вооруженные одним пулеметом, не имели горизонтального бронирования и совершенно не соответствовали техническим требованиям, разработанным Комиссией по броневым автомобилям Главного военно-технического управления (ГВТУ). Часть этих машин использовалась в броневых взводах для подвоза боеприпасов (главным об-



Броневый автомобиль «Громбой» 20-го автопулеметного взвода («Гарфорд» Путиловского завода). Юго-Западный фронт, 1915.

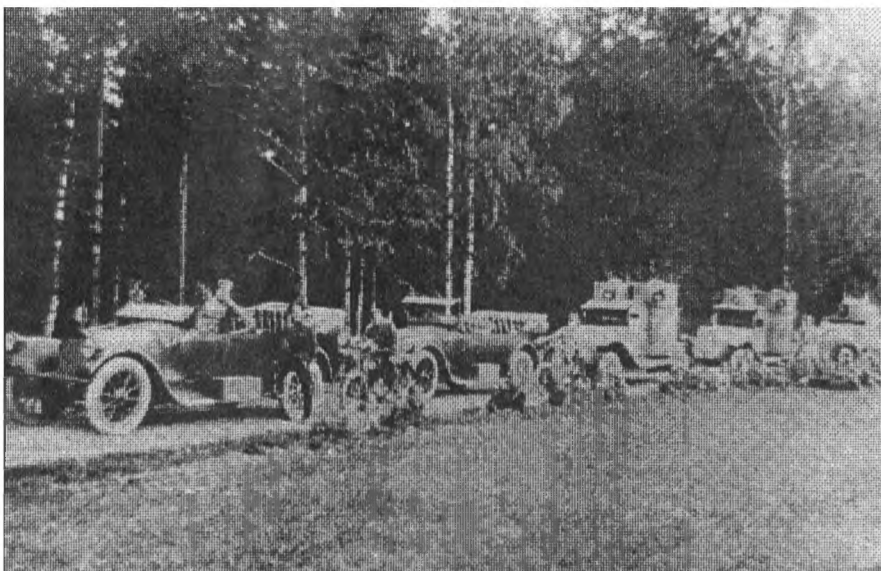
разом, к пушечным броневикам), а 11 штук было передано на Ижорский завод для бронирования по системе штабс-капитана Мгеброва.

Всего по системе Мгеброва было бронировано 16 машин. Кроме "Рено", это были: "Уайт", "Пирс-Эрроу", "Бенц", "Изотта-Фраскини" и "Руссо-Балт Е". Работы по их бронированию проводились на Ижорском заводе весной — осенью 1915 г. Все машины Мгеброва характеризовались совершенными формами бронекорпусов, рассчитанных на рикошет, и двухпулеметной башней оригинальной конструкции.

В это же время в частных мастерских А.Братолобова в Петрограде по системе штабс-капитана Некрасова бронировалось 11 машин (10 на шасси "Руссо-Балт" и один "Рено"). Правда, 6 из них были признаны негодными для боевой работы на фронте. Четыре же машины с 37-мм пушкой Гочкиса предназначались для броневого железнодорожного взвода.

На Обуховском заводе под руководством штабс-капитана Былинского были бронированы три машины: две на шасси "Мерседес" (с двигателями в 45 и 50 л.с.) и один "Ллойд". Они предназначались для боевых действий вместе с кавалерийскими частями. Броневик "Ллойд" имел две башни с пулеметами "Максим", а "Мерседесы" — по одной такой башне. Однако последние были вооружены еще и 37-мм пушками, установленными на тумбах в кормовой части корпуса. Особенностью этих машин было применение легкой брони из хромо-никелево-ванадиевой стали и заднего управления. Из этих броневиков был сформирован 25-й Пулеметный автомобильный взвод.

В течение второй половины 1915 г., зимы и весны 1916 г. в Россию из-за границы прибыли 60 броневиков на шасси "Остин" 2-й серии, 10 "Армстронг-Уитворт-Жаррот", 30 "Армстронг-Уитворт-Фиат", 25 "Шеффилд-Симплекс" и 36 "Армия-Мотор-Лорис" — всего 161 броневая автомобиль. Однако пригодными для фронта сразу были признаны только "Остины". У бро-



Автопулеметный взвод (броневые автомобили — два «Остина» 2-ой заготовки и «Ланчестер»). Юго-Западный фронт, 1915.

невиков фирмы "Армстронг-Уитворт", как на шасси "Жаррот", так и "Фиат", были обнаружены серьезные недостатки как в боевом, так и в автомобильном отношении. Так, например, для машин "Армстронг-Уитворт-Жаррот", по требованию Комиссии по броневым автомобилям, были изготовлены новые передние оси, усилены задние мосты и передние рессоры, на крышах башен установлены броневые колпаки, поставлена броневая защита пулеметов. "Жарроты" и "Фиаты" начали поступать на фронт только после устранения всех недостатков — т.е. в конце 1916 г.

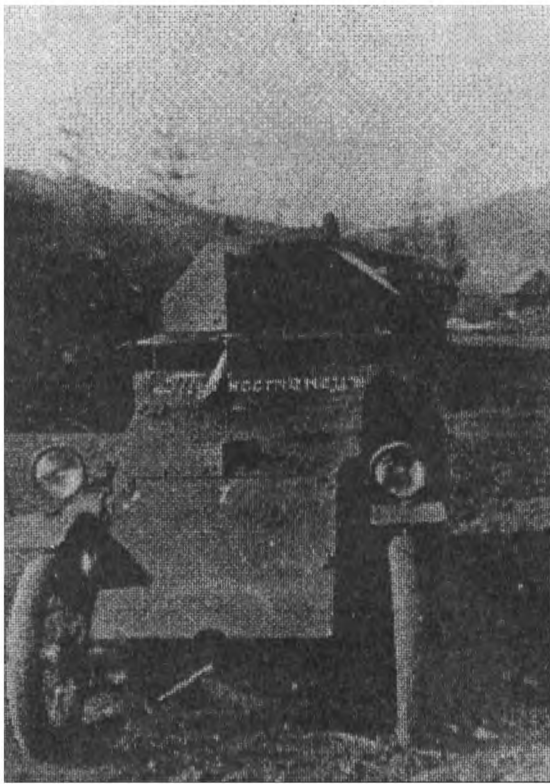
Что касается броневых автомобилей "Шеффилд-Симплекс" и "Армия-Мотор-Лорис", то они в Действующую армию так и не попали, ибо оказались совершенно непригодными для боевой работы на фронте. Одна машина "Шеффилд-Симплекс" была отправлена на Коломенский паровозостроительный завод, где ее установили на железнодорожный ход. На него предполагалось переставить все броневики этой марки.

Для укомплектования пушечных отделений вновь формируемых из "Остинов" 2-й серии пулеметных автомобильных взводов по-

надобился новый пушечный броневая автомобиль. Для того, чтобы решить этот вопрос в короткие сроки, было решено вооружить 37-мм пушкой Гочкиса 22 броневых автомобиля "Ланчестер", предназначенных для Английского броневых дивизиона. Весной 1916 г. эта работа была закончена, и пушечные "Ланчестеры" вполне успешно применялись на фронте.

Летом 1916 г. началось бронирование по системе штабс-капитана Поплавко 30 полноприводных грузовиков "Джеффри", из которых впоследствии был сформирован Броневая дивизион особого назначения. В это же время Путиловскому заводу был дан заказ на разработку пушечного броневых автомобиля на базе полноприводного грузовика "FWD". В октябре 1916 г. небронированное шасси с установленной на нем 76,2-мм полевой пушкой образца 1902 г. успешно прошло испытания. Было решено усилить вооружение, установив на машине 42-х линейную гаубицу, однако после февраля 1917 г. работы были прекращены.

Необходимо отметить, что в сентябре 1916 г. броневые части Русской армии перешли на дивизионную организацию. Помимо уже



Бронеавтомобиль «Туркестанец» (системы «Ланчестер»). Юго-Западный фронт, 1915.

же — в 1917 г. ни один из них из заводского цеха так и не вышел.

Одновременно с «Остинами» и «Фиатами» на Обуховском заводе по системе старшего лейтенанта Ульянова бронировалось 31 шасси «Паккард». Правда, в законченном виде был изготовлен только один экземпляр, после испытаний которого бронирование остальных шасси по данной системе было признано нецелесообразным из-за значительной перегрузки. Бронеавтомобиль «Паккард» был вооружен 37-мм автоматической пушкой Максима-Норденфелта, установленной во вращающейся башне на крыше корпуса и 7,62-мм пулеметом «Максим» в малой башне, размещенной в кормовой части машины.

упомянутого дивизиона штабс-капитана Поплавко было сформировано 12 броневых автомобильных дивизионов, Бельгийский и Английский броневые дивизионы. Каждый дивизион включал 3 — 4 пулеметных автомобильных взвода. Взводную организацию оставили там, где это было целесообразно, например на Кавказе.

С целью ускорения производства броневых автомобилей, помимо закупки в Англии 60 «Остинов» 3-й серии, было решено организовать широкомасштабное бронирование шасси на русских заводах. С этой целью были закуплены 60 шасси «Остин» и 90 «Фиат», которые предполагалось забронировать на Путиловском и Ижорском заводах. Однако из-за задержки с поставкой шасси заводы смогли приступить к их бронированию только в конце 1917 г. К октябрю было забронировано только 41 шасси «Фиат». С «Остинами» дело обстояло еще ху-

Самостоятельной страницей в истории русского бронеавтомобилестроения стали полугусеничные машины, построенные по проекту заведующего Технической частью Собственного Его Императорского Величества гаража А.Кегресса. Летом — осенью 1916 г. проходил испытания «Остин» 2-й серии с двигателем его конструкции. И настолько успешно, что было решено поставить на гусеничный ход часть бронируемых «Остинов» и «Фиатов», а кроме того все пушечные «Паккарды» Обуховского завода. В перспективе же намечалось оборудовать двигателем Кегресса все бронеавтомобили Русской армии. Планам этим не суждено было сбыться: помешала революция, после которой Кегресс покинул Россию.

Необходимо также отметить и оригинальные трехколесные пушечно-пулеметные броневики, строившиеся Ижорским заводом и

Офицерской стрелковой школой, бронеавтомобили, спроектированные прапорщиком Вонлярлярским и имевшие «обилие гнутых броневых частей», автомобиль «Бурфорд», забронированный на Кавказе. К сожалению, об этих и некоторых других броневых машинах, отличавшихся оригинальной конструкцией, известно пока очень немного.

Нельзя не упомянуть и о русской танковой программе. Причем речь идет не о нетехнологичных и сложных конструкциях танков А.Пороховщикова («Вездеход») и Лебеденко, вполне обоснованно отвергнутых ГВТУ, а о программе закупок танков за границей. Предполагалось закупить в 1917 — 1918 гг. во Франции 360 танков «Шнейдер», кроме того, проявлялся интерес и к английскому танку МК-V. Единственным же реально доступным для постройки русским проектом был 12-тонный танк, вооруженный 75-мм пушкой и пулеметом, который был предложен ГВТУ обществом «Русский Рено» в конце 1916 г.

В конце 1917 — начале 1918 г. предполагалось сформировать дополнительно еще 12 Броневых дивизионов, оснатив их полноприводными бронемашинами «FWD» и «Джеффери», броневиками с приспособлением Кегресса, а также танками.

Но наступил октябрь 1917 г. — власть захватили большевики, началась Гражданская война — и стало не до танков...

В заключение хочется сказать о людях, стоявших у истоков броневых дел в России. Талантливые конструкторы, опытные инженеры и боевые командиры — они всю свою энергию, все силы и знания отдавали служению Отечеству. Полковник Добржанский, капитаны Гурдов, Халецкий, Дзугоев, Миклашевский, штабс-капитаны Мгебров, Былинский, Некрасов, Мещеренинов, прапорщики Карпов и Вонлярлярский являлись цветом Русской армии, ее славой и гордостью. И мы не вправе забыть о них.

“ОНИ ВЕРИЛИ В РОССИЮ...”

(Бои юнкеров в
Москве в октябре
— ноябре 1917 г.)

А в Москве начиналась Гражданская...
А в Москве грохотали бои.
У Никитских, на Бронной, Мещанской
Юнкера как один полегли.

И. Савин

75 лет назад в октябре 1917 года в Москве большевиками была развязана братоубийственная бойня, которая стала как бы прелюдией ко всей Гражданской войне в России. И когда подходишь к описанию великой борьбы тех дней, чувствуешь слабость своих сил. Герои и малодушные, отважные безумцы и осторожные мудрецы, хаос звуков и хаос событий, смерть, проклятия, кровь и слезы... Черные силуэты теней гибнущих на улицах, в подвалах, в красном зареве пожаров. В эти дни страшной пустотой слепых глаз зияли впадины окон, темнели призраками развалины многоэтажных домов и всюду слышался звон разбитых стекол. В эти дни тяжкое сознание непоправимой катастрофы и гибели наполняло отчаянием сердца побежденных, зато хмельная радость победы опьяняла сердца победителей, широко раскрытым глазам которых выделся в этих развалинах старого “новый” мир. Рушилось старое, на смену ему шло что-то неведомое, страшное, многоликое и беспощадное...

Самое интересное, что всего за несколько часов до начала Октябрьских событий московские власти в лице городского головы В.В.Руднева и командующего военным округом полковника К.И.Рябцева были очень наивны, проявляя просто потрясающую беспечность и спокойствие.

24 октября полковник Рябцев, человек по своему характеру чрезвычайно миролюбивый и гуманный, разразился успокоительным приказом, в котором заявлял, что слухи о том, что Москве грозят темные силы — ложь. И вся армия це-

ликом стояла и стоит на страже интересов народа. Увы, успокоительные заверения были запоздалыми, а события требовали не слов, а решительных действий. В тот же самый день газета “Социал-демократ” свою передовую статью озаглавила “Гражданская война началась”, где призывала к повсеместной организации военно-революционных комитетов и доказывала, что сторонники Советской власти должны вооружаться и в любую минуту могут быть поставлены перед необходимостью самых решительных действий. Как бы во исполнение этих призывов, 25-го числа уже начали поступать сообщения о наступательных действиях большевиков. Первым действием, которое предпринял Московский военно-революционный комитет, был приказ №1, объявлявший весь Московский гарнизон в состоянии боевой готовности и требовавший выполнения распоряжений только большевиков, т.е. приказ, отстранявший от командования полковника Рябцева. Второе, что сделали большевики — они приступили к захвату и разгрому неугодных им газет. Петроградский и Московский военно-революционные комитеты в тесном содружестве энергично действовали, в то время как штаб округа бессильно колебался. Однако, к вечеру в штабе округа появилась группа решительно настроенных офицеров и юнкеров, которая потребовала предпринять какие-либо действия против большевиков, угрожая сместить командование округа с должностей. Под их нажимом 26 октября утром на заседании Московской городской думы был



Нагрудный знак Александровского военного училища

сформирован так называемый Комитет общественной безопасности (КОБ), под давлением которого полковник Рябцев объявил Москву на военном положении. На следующий день утром К.И.Рябцев созвал совещание высшего командного состава округа, которое установило полную ненадежность частей Московского гарнизона (за исключением школ прапорщиков и военных училищ). Однако, необходимость использования их в каких-либо боевых действиях и не мыслилась. Политическую сторону событий, по наивности своей (и это 27-го числа!), офицеры представляли себе как фракционную распря двух крыльев Совета. Было решено идти за тем крылом Совета, которое стоит на платформе Временного правительства. А военное содействие последнему мыслилось не более, чем красивой военной прогулкой по городу нескольких внушительных, нарядных и подтянутых батальо-



Запись добровольцев в Белую гвардию.
Александровское военное училище, октябрь 1917

нов юнкеров. Считалось, что их появление на улицах Москвы резко ослабит разгоревшиеся страсти обеих сторон. Никаких решений в плане предстоящей борьбы принято не было. Все предварительные распоряжения свелись к приведению войск в состояние боевой готовности при возникновении беспорядков. Было приказано на случай предстоящей демонстрации стянуть к центру Александровское военное училище, 3-ю и 4-ю школы прапорщиков. 1-я и 2-я, как менее надежные, не брались на учет, а 5-я и 6-я получили задачу патрулирования вокруг мест расположения.

Первое настоящее столкновение произошло 27 октября около 9 часов вечера между юнкерами, патрулирующими в районе Манежа, и так называемой командой солдат-"двинцев"¹. В результате боя погибло 11 юнкеров и 46 солдат. Потрясенный до глубины души этим событием полковник Рябцев впал в депрессию, что с ним бывало довольно часто, и фактически самоустранился от командования округом. Тогда, видя бездействие своего командующего, группа офице-

ров и юнкеров создала импровизированный штаб, находящийся в Александровском военном училище на Знаменке, куда начали стекаться добровольцы: офицеры, бывшие в Москве в отпусках или на излечении, студенты, гимназисты. Здесь приступили к формированию отрядов Белой гвардии, создаваемой в противовес гвардии Красной. Необходимо отметить, что московское студенчество в большинстве своем выступило на стороне Комитета общественной безопасности. Первый белогвардейский отряд, состоявший из студентов Университета, Коммерческого и Лазаревского институтов, насчитывал около 600 человек. Тут же студенчество приступило к формированию санитарных летучек, а в Университете спешно начали готовить импровизированный лазарет. В ночь на 28-е в штабе была поставлена первая конкретная задача — занятие Кремля, почты, телеграфа и телефона. Задачей № 2 было окружение Скобелевской площади и находившегося на ней здания Моссовета. Но, увы, в Александровском училище было много агентов больше-

виков, и все планы, разрабатываемые там, становились им известны.

К решению первой задачи приступили под утро. Охрану Кремля в то время нес батальон 56-го запасного пехотного полка. Остальные три его батальона квартировали в Покровских казармах. Среди солдат этого полка (подавляющее большинство которых было безграмотным и считалось командованием Московского военного округа надежным) с 20-х чисел октября начали вести активную большевистскую пропаганду красновардейцы, посланные сюда лично начальником штаба Красной гвардии Москвы тов. Яковом Пече для вывоза оружия из складов арсенала. Один из офицеров 56-го полка, явившийся в штаб на Знаменке, взялся провести в Кремль батальон юнкеров через потайной ход из Александровского сада. Этот батальон без единого выстрела разоружил часовых, открыв Боровицкие ворота, а затем Никольские. В Кремль вошли юнкера...

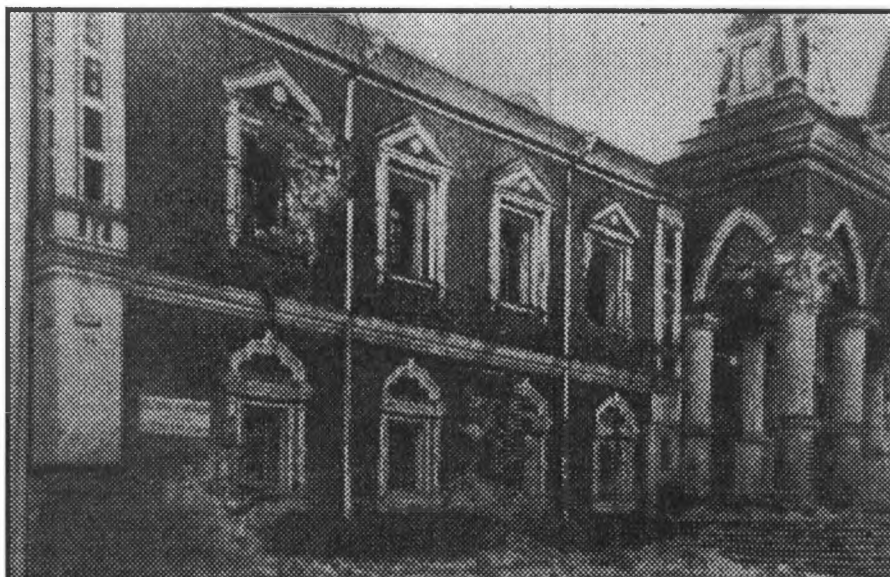
В официальной советской исторической науке существует такое понятие, как "Кремлевский расстрел". На эту тему была написана одноименная картина, вывешенная в Третьяковской галерее, и сложены стихи. Суть сводилась к тому, что юнкера зверски расстреляли в Кремле около 500 безоружных солдат 56-го запасного полка и команды арсенала. Однако, анализ раскритикованных архивных данных позволяет сделать вывод, что такого факта, как "Кремлевский расстрел", в природе не было. В Кремле имела место перестрелка, в результате которой было убито 4 и ранено около десятка юнкеров. А в 56-м полку и в команде арсенала количество жертв измерялось 14 убитыми и двумя скончавшимися от ран. Перестрелку спровоцировали красновардейцы, находившиеся в Кремле и поставившие свои пулеметы на колокольнях, на Кремлевской стене и в окнах арсенала.

¹ Необходимо пояснить, кто же на самом деле были эти легендарные "двинцы". 860 солдат 5-й армии, арестованных в июле и августе на фронте за большевистскую агитацию, были посажены в тюрьму в Двинске, а затем переведены в Бутырскую тюрьму в Москве. 200 человек из них во главе с Адамом Давидовским объявили голодовку. Их дела были пересмотрены, и полковник Рябцев освободил 593 человек. Вот эти самые "двинцы" 27-го вечером, будучи в большинстве своем совершенно пьяны, первые открыли огонь по юнкерским патрулям.

Огонь продолжался около 15 минут... Всего же за время Октябрьских боев полк потерял 41 человека.

Фактически с этого дня начались активные боевые действия. Силы сторон, вступивших в борьбу, были неравны: на стороне КОБ было 2 военных училища и 5 из 6 школ прапорщиков, около 300 человек кадет старших классов трех московских кадетских корпусов, незначительные отряды ударников и добровольцев, студентов и офицеров. Все это вместе составляло не более 8 — 10 тысяч человек. Силы ВРК были значительно выше: на его стороне выступили солдаты 6 запасных пехотных полков, что составило около 30 тысяч, и около 18 тысяч красногвардейцев. (К 25 октября численность настоящей рабочей Красной гвардии составляла около 3 тысяч человек. За два дня большевикам пришлось действительно постараться, дабы завербовать в “наемники” массу бездомных, безработных, а то и просто шпану и уголовников.) Правда, на стороне войск КОБ было качественное превосходство, дисциплина, разведка, организация. Зато на стороне ВРК была артиллерия, решающая обычно исход боя (9 полевых батарей и 1 батарея тяжелых орудий). Что касается воодушевления, с которым велись бои, то нужно отдать должное — обе стороны дрались яростно. Но в то время, как солдаты и красногвардейцы, одурманенные большевистской идеей и дармовой водкой, не ясно отдавали себе отчет, за что они борются, добровольцы и юнкера, с отчаянием и пустотой в сердце, выполняли свой долг, защищая не жалкую власть, а Россию.

Несмолкаемая трескотня пулеметов заливала Москву потоками пуль. Отряды офицеров и юнкеров занимали телефон, телеграф, гостиницу “Метрополь”, Думу, гостиницу “Националь”, Университет, Моховую, площадь у Храма Христа Спасителя, Пречистенку, Пречистенский бульвар, Арбатскую площадь, Никитский бульвар и половину Тверского до здания Градоначальства. Отряды ВРК занимали Страстную площадь, Тверскую на



Чудов монастырь, поврежденный при обстреле большевиками Кремля. 1917

всем протяжении, Скобелевскую площадь, прилегающие к Совету Леонтьевский, Брюсовский и Чернышевский переулки. В их руках были рабочие окраины, служившие неисчерпаемым резервуаром боевой силы. Здание Совета было довольно слабо защищено, но по чистой случайности, из-за нерешительности полковника Рябцева, не отдававшего приказа на штурм, оно взято не было. А в целом части офицеров и юнкеров действовали по своему усмотрению и по обстановке. Такая разобщенность и отсутствие единого командования в конечном счете и помешали успеху дела. Занимая центр, войска КОБ были как бы в западне, окруженные противником, занимавшим вокзалы, за которые шли кровопролитные бои, окраины, казармы. Благодаря предательской позиции Викжеля (Всероссийского исполкома железнодорожников), который на словах поддерживал Рябцева, а на деле тормозил помощь, направленную белым с фронта, и активно пропускал части, идущие на помощь ВРК, войска КОБ оказались как бы отрезанными.

28-го вечером на стороне ВРК загрохотала артиллерия. Большевики обстреливали центр со Страстной площади, с Ходынки, из Замоскворечья, с Воробьевых гор.

Действия артиллерии были поистине ужасны. Артобстрел велся безграмотно, без таблиц стрельбы. Снаряды разрывались не в намеченной цели, а лишь после продолжительной пристрелки оказывали свое решающее действие, разрушая большое количество жилых зданий, убивая при этом десятки и сотни ни в чем не повинных мирных жителей. По ночам Москва освещалась лишь пламенем пожаров. Ураганный огонь пулеметов и орудий поливал главную боевую артерию, ведущую к Совету и Александровскому военному училищу — Тверской бульвар, который в те дни назывался “бульваром смерти”. На редкость ожесточенные бои шли на Пречистенке, Остоженке, в районе Храма Христа Спасителя, в Хамовниках, в районе Крымской площади. В течение нескольких суток шли продолжительные, кровопролитные бои в районе Никитских ворот, где юнкера, придавая большое стратегическое значение этому пункту, создали мощный узел обороны. Красные, подтянув артиллерию, обстреливали его в течение полутора суток. Багровое зарево пожара было видно издалека. Длинные языки пламени со всех сторон охватывали дом князя Гагарина, в котором находилась аптека, взорвавшаяся в результате артоб-



Расстрелянная икона. Образ Святого Николая Чудотворца с Никольских ворот Кремля, поврежденный при обстреле. 1917

стрела. О том, в каком аду сражались здесь юнкера, вспоминал комиссар Градоначальства А. Вознесенский: «Огненная стихия, не сдерживаемая пожарными командами, которые не могли тушить пожар после такого обстрела, яростно бушевала, разрушая все на своем пути. Звонко лопались стекла в окнах, таяла и лилась, как масло, цинковая крыша, разноцветными огнями вспыхивали горевшие электрические провода, рушились расплавившиеся водопроводные трубы, выпуская воду фонтанами в подвал, где прятались жильцы, большинство из которых погибло, а часть была спасена юнкерами. И в таком аду эти мальчики продолжали сражаться»¹.

Отдельным, очень драматичным эпизодом борьбы тех дней является артобстрел Алексеевского военного училища и трех кадетских корпусов в Лефортове, где укрепились более 400 юнкеров (остальные алексеевцы были откомандированы в штаб на Знаменке), кадеты и даже гимназистки Марининской и

Елизаветинской женских гимназий. 29 октября большевики, поставив орудия около Бутырской тюрьмы, начали безжалостный обстрел этих военно-учебных заведений. Самые маленькие воспитанники трех корпусов были переведены в 1-й кадетский корпус, который утром 30-го вывесил белые простыни. А старшекласники и их подружки пожелали сражаться вместе с юнкерами. Большевики подвозили все новые и новые орудия. В час дня 30 октября юнкера попросили на 30 минут прекратить огонь, дабы дать возможность покинуть училище кадетам и гимназисткам, вышедшим из него под белым флагом. После этого артобстрел продолжался с новой силой. В истекающем кровью военном училище в те часы наблюдалось трогательное единение офицеров и юнкеров, желавших сражаться до последнего...

Для того, чтобы сломить дух оборонявшихся, большевики пошли на подлость. Они заявили, что, если училище не прекратит сопротивление, то их люди, которым известны все адреса, найдут и изнасилуют жен офицеров, а детей просто прихлопнут. Прекрасно понимая, что большевики давно уже успели внедрить своих агентов в офицерскую и юнкерскую среду, командование училища решило подписать акт о капитуляции...

Говоря о борьбе тех дней, нужно отметить огромный подвиг сестер милосердия, летучих студенческих санитарных отрядов, рисковавших своей собственной жизнью, которые под градом пуль, погибая, выносили раненых офицеров и юнкеров из боя. Красные частенько оставляли санитарные автомобили, избивали медицинский персонал, грозили убить их, если те будут оказывать помощь «юнкерью». Один из страшных эпизодов описала в своих воспоминаниях сестра милосердия М. Нестерович-Берг: «В Охотном ряду, на мостовой лежал раненый юнкер с простреленной грудью и желудком. Я нагнулась над ним, хотела сделать пере-

вязку. Но тут как из-под земли возникли 2 красногвардейца. Закричали:

— Что, эту сволочь перевязывать? И штыками винтовок прокололи мальчику грудь. Я плакала и кричала, что раненых не добивали даже немцы на фронте. На что один из молодчиков ответил мне:

— Нынче, мамзеля, мода другая. Это буржуй, враг народа!²

В те страшные дни было в Москве немало людей, общественных организаций, партий, которые стремились быть посредниками в перемирии. Одно такое перемирие, заключенное в ночь с 29 на 30 октября, не состоялось — большевики не пожелали прекратить огонь. Среди посредников были и меньшевики, и эсеры, и народные социалисты, и Викжель, и лично митрополит Московский Платон, предпринявший отчаянный шаг. Он лично приехал в Моссовет, прося встречи с председателем Ногиным, однако встретиться ему было позволено лишь с заместителем последнего — В. Соловьевым, перед которым митрополит опустился на колени, моля прекратить братоубийственную бойню. В Моссовете не вняли его просьбам и довольно резко выпроводили из здания. Тогда владыка Платон решил отправиться в Комитет общественной безопасности к полковнику Рябцеву, с которым он имел полуторачасовую беседу, вызывая к его религиозности и благоразумию, а также к здравому смыслу находящихся там офицеров и членов Комитета, во имя спасения тысяч ни в чем не повинных жителей города, во имя спасения Московского Кремля, который в те дни подвергался чудовищному артобстрелу. Его слова возымели действие. Надеясь на честность и порядочность большевиков, Комитет общественной безопасности 2 ноября выступил со следующим заявлением: «Артобстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избиению мирных жителей. Уже возник-

¹ А. Вознесенский. Москва в 1917 году. — М., 1928. — С. 176, 177.

² М. Нестерович-Берг. В борьбе с большевиками. — Париж, 1931. — С. 37.

кают пожары и начинается голод. Поэтому в интересах населения Комитет общественной безопасности ставит Военно-революционному комитету вопрос: на каких условиях ВРК считает возможным немедленно прекратить военные действия. Со своей стороны, КОБ заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой ВРК, перейдя к методам борьбы политической¹.

2 ноября мирное соглашение было подписано. Согласно этому договору КОБ упразднился, Белая гвардия расформировывалась, офицерам сохранялось их личное оружие, а в военных училищах и школах прапорщиков оставалось лишь оружие, необходимое для обучения. После подписания соглашения пленные обеих сторон должны были освободиться. ВРК гарантировал всем свободу и неприкосновенность.

Однако до штаба на Знаменке дошли сведения, что сразу же после подписания договора над пленными юнкерами и офицерами, заключенными в Бутырской тюрьме, будут совершаться самосуды. Но на их защиту решительно встала Православная Церковь. Священный Собор обратился в ВРК с недвусмысленным заявлением, настойчиво предостерегающим большевиков, что, если они не примут мер для предотвращения расправы над пленными, то Православная Церковь не гарантирует, что по Москве не прокатится волна еврейских погромов, в которых может принять участие большая часть русского православного населения. По вполне понятным причинам, ВРК решил временно уступить. Арестованные офицеры и юнкера были отпущены...

Итак, что же принесла эта чудовищная бойня? После нее в Москве погибших, раненых, контуженных, лишившихся крова насчитывалось около 5 тысяч человек. Противоборствующие стороны потеряли убитыми и ранеными немногим

Венз

Кому Народному (Бульвар)

1917 г. 29. 11. 18. час. 30 мин.

№ 1 Место отправления:

Съ кбнь отправлено:

988 11/11 4:403. 424.

Приказовано немедленно прекратить стрельбу. Противная сторона уйдет. одновременно забить все приказом. Предварительным образом возможного своего наблюдения за немецкими.

Вестоды за амур уедиловенный ии урской зоны. Кз 19 часов 30 минут. 11/11 1917. 4:403. 424. 6777 преуащима викар стрельба берусловии и калегорически всем Народноим мнго наблюдени. За 21 мин.

Командиром востановления Рябцев

«Должна быть немедленно прекращена всякая стрельба...»
Приказ полковника К.И. Рябцева о прекращении боевых действий

¹ ЦГАОР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 23.

более тысячи человек (потери юнкеров составили 200 человек). Сама наша древняя столица пострадала очень значительно. В дни октябрьской борьбы самому беспощадному обстрелу подвергался Кремль. Не смея приблизиться к юнкерам и офицерам, которые яростно сопротивлялись, большевики искали их снарядами, разрушая один за другим все до единого храмы. Разрушения в Кремле были колоссальны. По оценке официального эксперта, входившего в комиссию Патриарха Тихона по оценке ущерба, нанесенного артобстрелом Кремлю, епископа Нестора Камчатского: «Со стороны Красной площади и Замоскворечья внешний облик Кремля резко изменился. Верх угловой Беклемишевской башни — одной из красивейших — снесен до второго пролета. На Спасской башне ударом снаряда разбиты часы. Сама башня пробита в двух местах. Снаряд попал и в икону Св.Николая. Она разбита и снесена. Серьезные повреждения имеют Троицкие ворота. Еще сильнее повреждения в самом Кремле. Разбита средняя глава Успенского собора. Разрушены Чудов монастырь, верхний угол Благовещенского собора сорван. Женский монастырь поврежден в нескольких местах. Разрушена колокольня Ивана Великого. Очень сильные повреждения в Николаевском дворце: окна и рамы выбиты, простенки полуразрушены, пробита снарядами церковь Свв.Петра и Павла, церковь Николы Толстунского, значительные повреждения в церкви Двенадцати апостолов. Снесены ворота Синодальной конторы»¹. Но еще ужаснее был внутренний вид храмов после разгрома их большевиками. Дело в том, что первой в Кремль большевики запустили отряд Красной гвардии, известный в Москве как «золотая рота» и состоявший исключительно из шпаны и уголовников Ходынки. И эти скоты, совершенно пьяные, учинили разгром храмов Кремля. Повсеместно они разрушали и гадили. Так, в церкви Двенадцати Апостолов прикладами было изу-

родовано Св.Распятие Спасителя. Колоссальный погром был учинен в Петровских палатах, в Николаевском дворце, Митрополичьих покоях в Чудовом монастыре, в Патриаршей ризнице. Повсюду здесь валялись на полу изорванные священные книги. Характерно, что попутно разбивались сосуды с заспиртованными святыми мощами, мощи выбрасывались, спирт выпивался. Под конец славные красногвардейцы перепились до того, что «пошли в ход» и заспиртованные мозги и желудки, хранившиеся в здании Судебных установлений.

10 ноября большевики хоронили своих «героев». Была вырыта огромная братская могила от Никольских до Спасских ворот. Здесь в красных гробах, по-большевистски, без каких-либо церковных церемоний, было захоронено около 400 человек. Эти люди в большинстве своем стали жертвой большевистской идеи. Одурманенные ею, они поверили, что безграмотный и полудикакий русский пролетариат — светоч мировой цивилизации. Так учили их те, кто толкнул их на эту кровавую бойню, кто отправил их добывать власть. Эти несчастные люди поверили, что убийство своих же братьев-русских даст им мир, хлеб и гибель буржуазии, что пушкой и ружьем можно попать мораль и все экономические законы. Те, кого хоронила пролетарская Москва, верили, что они сражаются за лучшую жизнь, не понимая, что прокладывают путь новому русскому рабству. Трагична судьба октябрьских дней 1917 года и безумно трагична судьба их жертв. Когда в момент захоронения на Красной площади солдаты и рабочие начали креститься и тихонько петь «Святой Боже», на них зашикали «товарищи», требуя немедленно прекратить, и чтобы заглушить церковный мотив, поспешно грянул «Интернационал», неистово бушующий и абсолютно чуждый России...

А 13 ноября Москва тихо хоронила других, подлинных героев. Юнкера и офицеры, студенты, гим-

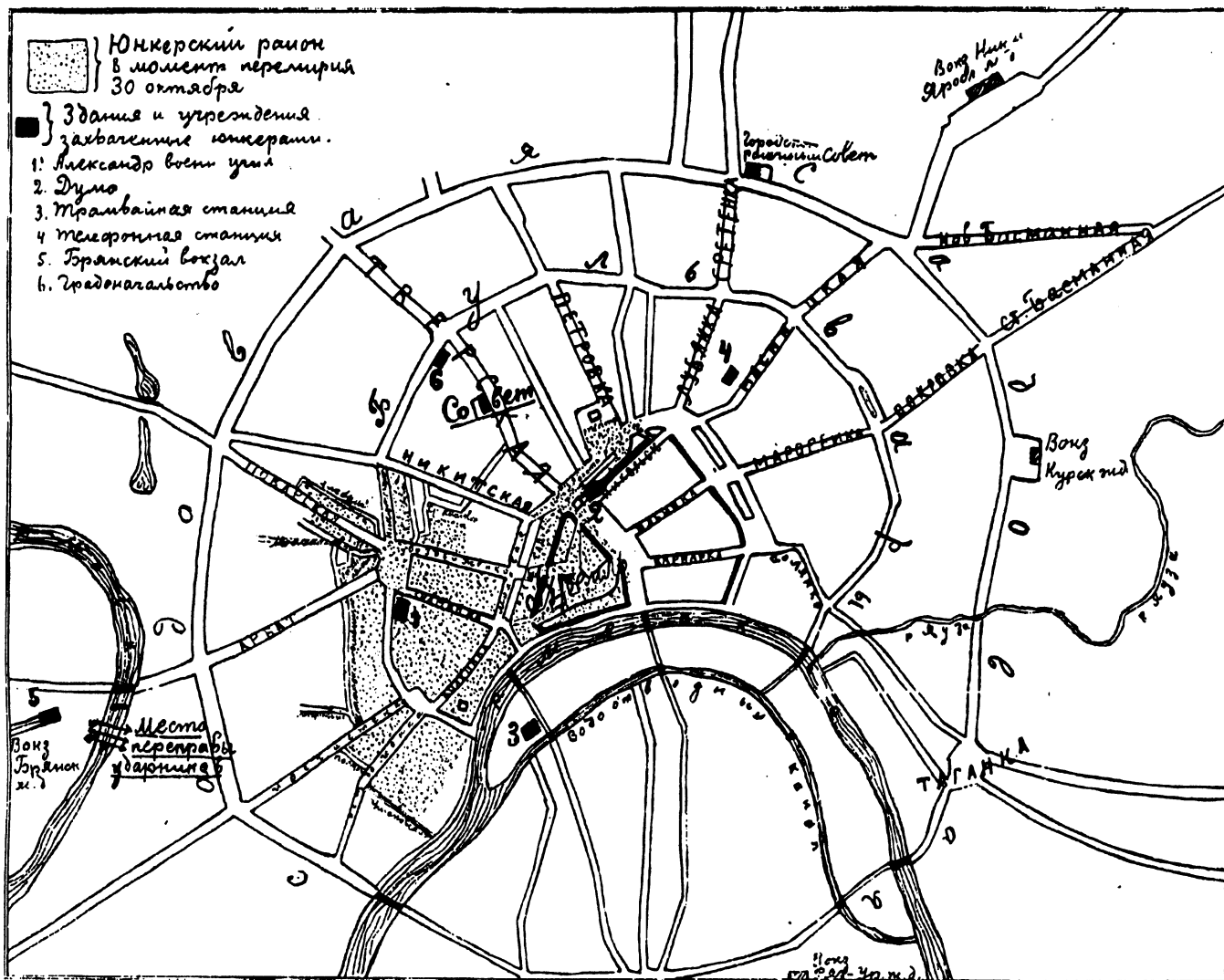
назисты, сестры милосердия, погибшие в Октябрьские дни, отпевались в церкви большого Вознесения у Никитских ворот. Большевики запретили сопровождать их похорон оркестром и возлагать венки. Белые хризантемы да еловые ветки — то была последняя дань мальчикам и девочкам, исполнившим свой долг. Вокруг церкви собралась многотысячная толпа. И самое удивительное, что среди этих людей были простые женщины, рабочие и солдаты. Они плакали! Они пришли сюда, дабы почтить память тех, кто боролся за гражданский мир. Несмотря на метель, ледяной ветер — люди стояли, и толпа пела «Вечную память» и «Святой Боже». После отпевания 37 гробов направились на Братское военное кладбище (при Советской власти разрушенное во время прокладки Ленинградского проспекта). Разрешение на захоронение у новой власти пришлось выбивать с большим трудом; запрет мотивировался тем, что на Братском кладбище захоронены герои I Мировой войны, а юнкера — мол, и не герои вовсе.

Похоронная процессия направилась по Тверскому бульвару к Петроградскому шоссе, ведущему на Братское кладбище. Во всех церквях по пути ее следования проходили панихиды. Большую часть гробов несли на руках. К вечеру, в темноте, процессия вступила на кладбище: в свете мигающих факелов, под снегом и ветром гробы стали опускать в могилу...

К сожалению, до сих пор еще не установлены все остальные места захоронения юнкеров, офицеров и студентов. Пока есть только подтвержденные данные о захоронении на Новодевичьем кладбище, однако, увы, ни одной могилы не сохранилось. Косвенные данные указывают на захоронения на Ваганьковском и Семеновском кладбищах, а также в Скорбященском монастыре.

М.Горький посвятил боям в Москве такие строки: «Московская бойня была кошмарным кровавым избиением младенцев: с одной сто-

¹ Нестор Камчатский. Расстрел Московского Кремля. — М., 1917.



Район, занятый Белой гвардией к моменту перемирия

роны, мальчики-рабочие, не умеющие держать оружие в руках, не понимающие, за что они сражаются, с другой стороны — горстка других мальчиков... К счастью, в России в октябре 1917 года нашлись честные люди — офицеры, юнкера и студенты, которые противопоставили себя безумию масс. Они были в меньшинстве, они были в огненном кольце. Большевики говорят: "Это дети буржуев и они подлежат истреблению". Это ложь бешеных догматиков, таких как Ульянов и Троцкий, которым безразлична судьба России. Они выбрали русский народ в качестве материала для своих социальных опытов. Так

вот, среди этих мальчиков нет представителей крупной буржуазии и помещиков. Они — дети России. Они отступили только тогда, когда кровавое безумие начало угрожать всей Москве. Они не мечтали о социальной революции, они верили в свободный разум русского народа. Они верили в Россию..."

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

**СПИСОК похороненных на Братском военном кладбище
13 ноября 1917 г.**

(Составлен М. Катагощиной и А. Кондратьевой на основе данных: ГИМ. Ф. 402. Д. 348; Труд. — 1917, 14 ноября.)

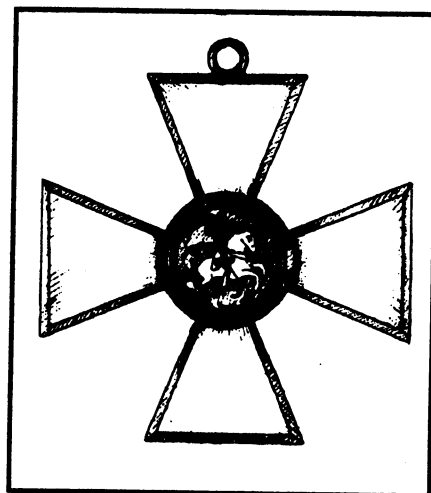
1. Поляковский (доброволец)
2. Гвай (прапорщик 7-го ударного батальона)
3. Никитин Алексей (юнker 6-й школы прапорщиков)
4. Павлов (юнker 6-й школы прапорщиков)
5. Кочкин (юнker Александровского военного училища)
6. Ягудин Григорий (прапорщик 85-го пехотного полка)
7. Неизвестный юнker 4-й школы прапорщиков
8. Покалов Григорий (студент Университета)
9. Концертов (прапорщик)
10. Неизвестный юнker 4-й школы прапорщиков

11. Собачук-Козаченко (юнкер 6-й школы прапорщиков)
12. Аронин Иосиф (юнкер 3-й школы прапорщиков)
13. Бойков Павел (юнкер 6-й школы прапорщиков)
14. Федорчук Григорий (юнкер 6-й школы прапорщиков)
15. Иванов (юнкер Александровского военного училища)
16. Агнев Василий (7-й ударный батальон)
17. Ловриченко Ф. (юнкер 6-й школы прапорщиков)
18. Норман Н. ("батальон смерти")
19. Неизвестный студент Коммерческого института
20. Шохин (юнкер 6-й школы прапорщиков)
21. Королев (7-й ударный батальон)
22. Васильев Н.И. (юнкер 3-й школы прапорщиков)
23. Шилов (ударник)
24. Чулков Тимофей (ударник)
25. Иванов В.М. (юнкер Александровского военного училища)
26. Сырцов К.В. (юнкер 6-й школы прапорщиков)
27. Марков М. (ударник)
28. Давыдов М. (прапорщик)
29. Мамыкин Н. (юнкер 5-й школы прапорщиков)
30. Мирошкин Г. (юнкер 4-й школы прапорщиков)
31. Печкин (юнкер Александровского военного училища)
32. Кузьмин Г. (юнкер Александровского военного училища)
33. Голубятников А. (студент Университета)
34. Голицинский (подпоручик)
35. Неизвестный юнкер
36. Неизвестный юнкер Александровского военного училища
37. Веревкин (юнкер)
38. Верисман (курсистка)
39. Лисанова Л. (курсистка)
40. Мартынов И. (7-й ударный батальон)
41. Каричев (рядовой)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК погибших в дни октябрьских боев 1917 г., захороненных на Новодевичьем кладбище
(Составлен А. Кондратьевой)

1. Северцов Николай Александрович (похоронен 5 ноября 1917 г.).
Сын профессора, студент, доброво-



лец Белой гвардии. Убит в Гражданской войне.

2. Судакевич Виктор Иванович. Прапорщик 11-й стрелковой Сибирской артиллерийской бригады. Убит в Гражданской войне.

3. Артюшкова Елизавета Генриховна (похоронена 6 ноября 1917 г.). Сестра милосердия, дворянка. Убита в Гражданской войне.

4. Болховщиков Алексей Алексеевич. Прапорщик. Ранен в Гражданской войне и умер от ран 16 ноября 1917 г.

5. Врангель Александр Александрович (похоронен 6 ноября 1917 г.). Гимназист, дворянин, доброволец отряда Белой гвардии. Убит в Гражданской войне.

6. Капканщиков Николай Петрович. Студент, сын почетного гражданина. Доброволец. Убит в Гражданской войне.

7. Котов Борис Алексеевич (похоронен 5 ноября 1917 г.). Ученик школы живописи, сын купца. Доброволец отряда Белой гвардии. Убит в Гражданской войне.

8. Младова Мария Васильевна (похоронена 8 ноября 1917 г.). Монахиня Новодевичьего монастыря, в дни Гражданской войны бывшая сестрой милосердия. Убита.

9. Розанов Иван Павлович (похоронен 9 ноября 1917 г.). Московский мещанин. Доброволец. Убит в Гражданской войне.

САЛЗАН

Из истории Гражданской войны на Востоке России летом 1918 года

(Подборка документов)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

События Гражданской войны на Востоке России, в особенности ее предстория (осень 1917 — весна 1918 г.) и первый период (лето — осень 1918 г.), практически неизвестны не только читающей публике (довольно узкий круг лиц, действительно интересующихся проблемами отечественной истории, в безбрежном океане "самого читающего — Ю.Семенова и В.Пикуля — народа в мире"), но и являются самой настоящей "terra incognita" и для профессионалов-историков.

История "триумфального шествия Советской власти" по Уралу, Поволжью, Сибири и Дальнему Востоку и ее молниеносного крушения в этих регионах в результате так называемого "белочешского мятежа" еще ждет своего нетенденциозного исследователя.

Скромная цель данной публикации — документальное освещение хода боев в районе разъезда Салзан (в крайне скудной исторической и мемуарной литературе встречается и иное географическое определение: "у станции Мурино") в конце июля — начале августа 1918 года (все даты по новому стилю).

Заурядный разъезд Транс-Сибирской железнодорожной магистрали на южном берегу "Славного Моря" в течение недели был ареной поистине исторических событий.

К лету 1918 года в результате "мятежа чехокорпуса" и выступления местных анти-большевистских

конспиративных организаций на Востоке России сложилось несколько центров анти-большевистской борьбы.

Одним из таких центров стал Омск, в котором обосновалось Временное Сибирское Правительство во главе с Петром Васильевичем Вологодским.

Войсками этого правительства — Сибирской (очень короткое время в самом начале своего существования именовавшейся “Западно-Сибирской”) Отдельной Армией — командовал молодой полковник (в июне произведенный Временным Сибирским Правительством в генерал-майоры) Алексей Николаевич Гришин-Алмазов.

В это время Восток России и — самое важное — Транс-Сибирская железнодорожная магистраль — главная транспортная артерия этого региона были похожи на слоеный пирог: районы, контролируемые белыми и красными, чередовались как полоски на шкуре зебры.

Омское правительство стремилось к контролю над всей Сибирью. Поэтому перед войсками Гришина-Алмазова стояла задача ликвидировать эту слоеность, прежде всего — вдоль линии железной дороги.

Для решения этой задачи армия была разделена на два корпуса. Степной Сибирский корпус, под командованием генерал-майора Павла Петровича Иванова-Ринова, должен был действовать в западном направлении от Омска, в пределах Степной Сибири. Средне-Сибирский же корпус, возглавляемый 27-летним полковником Анатолием Николаевичем Пепеляевым, должен был развивать операции в восточном направлении — в пределы Средней Сибири.

В состав Средне-Сибирского корпуса вошли развернутые в войсковые части конспиративные анти-большевистские организации Ново-Николаевска, Томска, Барнаула, Красноярска, Кузнецка и некоторые другие, а также ряд партизанских отрядов: штабс-ротмистра Фрейберга, есаула Красильникова, сотника Сотникова и другие, более мелкие.

Перед командованием чехокорпуса, чьи разрозненные эшелоны,

не имеющие между собой никакой связи, были разбросаны вдоль всей линии Транс-Сибирской железнодорожной магистрали, также стояла задача “прочистки” железной дороги от Поволжья до Владивостока; поэтому их войска действовали совместно с Сибиряками.

Командующим чехо-словацких войск, действующих к востоку от Омска, был назначен командир 7-го Чешско-Словацкого стрелкового полка — срочно произведенный из капитанов в полковники — Радола Гайда.

В состав “Восточного Отряда Чехо-Войск” вошли подразделения 6-го и 7-го Чешско-Словацких стрелковых полков и часть артиллерии 2-ой Чешско-Словацкой стрелковой дивизии.

В последней декаде июля войска Пепеляева и Гайды были объединены в Восточный фронт (не путать с Восточным фронтом Советской Республики) под оперативным командованием Гайды.

Наиболее серьезным противником восточной группировки анти-большевистских войск были вооруженные силы “Центросибири” (Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири), организованные в Нижнеудинский фронт, а после Иркутской катастрофы и бегства “Центросибири” в Верхне-Удинск — в Прибайкальский фронт.

“Центросибирь” была создана еще в конце 1917 года и претендовала на координацию деятельности Советов Западно-Сибирской Области, Восточно-Сибирской Области и Дальневосточного Края; однако, фактически ее власть распространялась лишь на территорию Восточной Сибири.

К лету 1918 года Председателем “Центросибири” был Николай Николаевич Яковлев. Сибирский Совет Народных Комиссаров при “Центросибири” возглавлял его предшественник Борис Захарович Шумяцкий, а одним из трех Народных Комиссаров по военным делам был Сергей Георгиевич Лазо.

В результате событий лета 1918 года “Центросибирь” оказалась от-



Полковник А.Н. Пепеляев, командующий Средне-Сибирским корпусом. 1918

резанной от большевистского Центра — Москвы и была вынуждена вести бои на трех основных направлениях: на западе — против войск Гайды и Пепеляева, на юге — против Особого Манчжурского Отряда есаула Семенова и на востоке — против восставших казаков и разрозненных эшелонов с войсками чехокорпуса.

Главная опасность, несомненно, надвигалась с запада. Поэтому, перед красными войсками Прибайкальского фронта, имевшими численное превосходство, но уступавшими в качестве войск, была поставлена задача перехватить у белых стратегическую инициативу и перейти в наступление.

Воспользовавшись тем обстоятельством, что самый западный из Кругобайкальских тоннелей (№ 39) в результате подрыва временно не функционировал, в результате

чего белые вели бои лишь авангардным отрядом, так как подвоз по железной дороге был невозможен, красные сосредоточили ударную группу в районе станции Выдрино и деревни Снежная и 29 июля перешли в наступление.

В результате трех последовательных фронтальных прорывов вдоль линии железной дороги красным удалось продвинуться на несколько километров к западу и к 1 августа красные войска заняли станцию Мурино. В нескольких километрах западнее ее и находился разъезд Салзан, где в то время находился штаб Действующего Отряда 1-ой Томской Сибирской стрелковой дивизии с приданными ему частями.

Видя, что попытки фронтально-го сопротивления численно превосходящему и имеющему качественное превосходство в вооружении противнику не приносят успеха, Полковник Пепеляев разработал план флангового маневра с элементами засады.

План этот, несмотря на отдельные тактические неудачи при его воплощении, был в целом выполнен. Ударная группировка красных войск попала в мешок и была уничтожена.

Провал красного наступления в районе разъезда Салзан и уничтожение ударной группы Прибайкальского фронта стали началом конца организованного сопротивления вооруженных сил "Центросибиря".

Ровно через месяц после окончания боев у разъезда Салзан — 7 сентября 1918 года — на станции Урульга командованием красных войск было принято решение о прекращении организованных боевых действий и о переходе к партизанским формам борьбы.

Постановлением Георгиевской Думы Восточного фронта за успешное руководство войсками в боях в районе разъезда Салзан полковник Пепеляев был представлен к награждению Орденом Святого Георгия 3-ей степени.

А. ЕЗЕЕВ

П Р И К А З
по Средне-Сибирскому корпусу
20-го Июля 1918 г. №3
город Иркутск

По части оперативной

п. 1.

Согласно приказания Командарма, приказываю полкам корпуса с 23 часов 20 сего июля войти в состав дивизий:

1-ой дивизии Средне-Сибирского корпуса — полкам 1, 2, 3 и 4 Томским;

2-ой дивизии Средне-Сибирского корпуса — Барнаульскому, 1 и 2 Новониколаевскому и 1 Енисейскому полкам.

Начальниками дивизий назначаю: 1-ой — Полковника Вишневецкого, 2-ой — Полковника Зиневича,

коим приказываю немедленно приступить к формированию штабов дивизий, которые закончить в кратчайший срок, после чего вступить без замедления в командование своими дивизиями.

Имущество, потребное для формируемых штабов дивизий, затребовать в Комиссии Подполковника Перчука и, чего не окажется на месте, затребовать в Омске.

Подлинный подписал:

*Командир корпуса,
Полковник Пепеляев.*

С подлинным верно:

*Старший адъютант,
Подпоручик Крамаренко.*

**ИЗ ЖУРНАЛА ВОЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ 1-ой ТОМСКОЙ
СИБИРСКОЙ СРЕЛКОВОЙ
ДИВИЗИИ**

20 ИЮЛЯ

г. Иркутск

Согласно приказа по Средне-Сибирскому корпусу за №3 [пометка на полях: "№3/оп"] Полковником Вишневецким приступлено к формированию 1-ой Сибирской Стрелковой дивизии.

Вр.И.Д. Начальника Штаба назначен Поручик Крепкогорский.

21 ИЮЛЯ

В состав дивизии вошли: 1-ый, 2-ой, 3-ий и 4-ый Томские полки, 1-ая Инженерная рота, 1-ый Томский Артиллерийский дивизион.

Для исполнения боевых задач к дивизии приданы: 3-й батальон 7-го Чешско-Словацкого полка, 4-ая Чешская Гаубичная батарея, Барнаульский полк и 2-ой Ново-Николаевский полк.

Штаб дивизии выбыл на станцию Слюдянка.

22 ИЮЛЯ

Противник отступил за станцию Буравщина.

По сведениям, полученным от железнодорожников, путь и телеграф исправлены от станции Буравщина до станции Танхой на протяжении 50 верст.

Сильно поврежден тоннель № 39 и мост. Для выяснения степени повреждения тоннеля, моста и пути послана разведка.

Расположение частей следующее: станция Буравщина занимает заставой 2-го Томского полка, у тоннеля № 39 — рота 2-го же Томского полка и броневик с легким орудием и одно легкое орудие на берегу озера Байкал. В Слюдянке находится 1-ый Томский и две роты 2-го Томского полка, Барнаульский полк, пять рот 6-го и 7-го Чешско-Словацких полков, полусотня Попова, три Гаубичных и пять Легких орудий.

Боевых операций не было.

23 ИЮЛЯ

В 4 часа двухтрубный пароход противника выпустил семь снарядов по тоннелю № 39, но безо всякого ущерба.

Согласно приказа Комкор № 994/оп, Командиру 2-го Томского полка приказано [пометка на по-

лях: "исх. № 28/оп"] одной ротой занять станцию Утулик и двумя ротами — станцию Мангутай.

На фронте — без перемен.

24 ИЮЛЯ

Части 2-го Томского полка заняли станцию Утулик и мост через реку Барха. При занятии станции наши части были встречены ружейным огнем противника, редкая цепь которого отошла к разъезду Харлахта.

В распоряжение [паметка на полях: "исх. №41"] Командира 2-го Томского полка послана конная часть в 50 сабель.

На разъезд Мангутай выслано две роты 7-го Чешско-Словацкого полка и два орудия.

В 6 часов 30 минут на озере Байкал показался ледокол, который открыл орудийный огонь: сначала — по станции Култук, а затем — по броневнику у тоннеля № 39. Из выпущенных снарядов только один достиг берега, не причинив вреда. По открытии нашей батареи в Слюдянке огня, ледокол скрылся.

Прибыл 1-ый Томский эскадрон и 3-ий Томский полк.

25 ИЮЛЯ

В 12 часов 30 минут броневик противника подошел к мосту разъезда Салзан и открыл сильный артиллерийский огонь по роте 2-го Томского полка. Тогда рота Штабс-Капитана Ерохина в свою очередь открыла сильный пулеметный и ружейный огонь и заставила броневик отойти обратно.

В 17 часов 30 минут разъезд Салзан был взят нашей конницей.

На разъезд Мингатуй¹ прибыл 3-ий Томский полк.

26 ИЮЛЯ

После двадцатипятиминутного

боя 2-ым Томским полком была взята станция Мурино. Взяты трофеи: оружие — 16 винтовок, патронов — 1.500 штук и 20 лошадей с седлами.

Противник, понеся большие потери, отступил на разъезд Паньковка.

С нашей стороны ранен один.

27 ИЮЛЯ

В 8 часов 3-ий Томский Сибирский Стрелковый полк прибыл на станцию Мурино.

Части 3-го Томского полка с боем заняли разъезд Паньковку.

Передовые части противника находятся на станции Выдрино.

28 ИЮЛЯ

Наши части у деревни Снежная, во время продвижения вперед, были обстреляны противником.

Исправление тоннеля № 39 приближается к концу.

29 ИЮЛЯ

Прибыл на станцию Утулик Барнаульский полк, заняв одной ротой станцию Мингатуй.

Противник — на станции Выдрино.

В 16 часов красные пошли в наступление с двумя броневиками. Параллельно двигались цепи мадьяр.

Со стороны деревни Снежная по тракту тоже шли цепи противника.

В обход противника была послана 1-я рота 3-го Томского полка для взрывания путей.

В 19 часов 30 минут завязался бой, для поддержки высланы две роты 2-го Томского полка с пулеметами.

Сведений о результате боя не поступало.

30 ИЮЛЯ

Бой продолжается. Противник получил сильное подкрепление.

Предполагаемый взрыв железнодорожного пути не произошел, благодаря чему броневики противника подошли на близкое расстояние к нашим частям и обстреливали их шрапнельным и пулеметным огнем.

Со стороны Байкала наши части обстреливались из орудий парохода "Ангара".

Красные, под прикрытием артиллерийского огня, переходили несколько раз в атаку, но эти атаки были нами отбиты.

1-я рота 3-го Томского полка из обхода еще не вернулась.

Наши части отошли на левый берег реки Паньковки.

31 ИЮЛЯ

В 17 часов противник, получив сильное подкрепление, под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня, стал неоднократно переходить в атаку и в 20 часов прорвал и охватил наш правый фланг.

Ликвидировав этот прорыв, наши части стали под прикрытием Барнаульского полка отходить на новые позиции — на высоты к западу от станции Мурино.

При отходе было взорвано в нескольких местах железнодорожное полотно.

*Командир 1-го эскадрона 1-го
Томского*

Кавалерийского дивизиона

*Начальнику 1-ой Сибирской
дивизии*

Средне-Сибирского корпуса

«1» Августа 1918 г. **РАПОРТ**
№ 190

раз. Солзан
(к № 188)

Доношу, что 29 Июля сего года в момент отступления частей войск, действовавших против Красной армии, эскадрон отходил

¹ Перепрравлено из "Мангутай".

на левом фланге общего расположения, по тракту вдоль берега Байкала. В голове колонны шел 3-й взвод, имея за собой пулеметную эскадронную команду, которую прикрывал 4-й взвод. 2-й взвод, вернувшись с починки мостов по тракту и разведки из деревни Снежная, спешившись по моему приказанию, под сильным пулеметным и ружейным огнем красных, прикрывал отступление всего левого фланга между озером Байкал и линией железной дороги, имея впереди себя отступающие пулеметы 3-го Томского полка, благодаря чему означенные пулеметы были вынесены.

К моменту, когда части отступили к реке Монгула, выяснилось, что предполагаемый взрыв пути для останова броневиков не удался благодаря подсыревшему бикфордову шнуру, и впереди не было разобрано пути.

Положение было крайне критическим, так как по дымку паровозов было видно, как быстро продвигался и приближался броневик к повороту дороги.

Взводный У. [нтер-] О. [фицер], узнав, что по линии железной дороги кроме одиночных отходящих людей нет никого и путь открыт для броневиков, во главе взвода перебежал по болоту от тракта к полотну железной дороги с целью задержать броневик и не дать ему пройти к мосту ранее отходящих пехотных частей.

В распоряжении 2-го взвода не было никаких разборочных инструментов. За ними были посланы люди в ближайшую железнодорожную казарму, а пока, так как промедление грозило опасностью, стали заваливать полотно запасными рельсами. Работа протекала под сильным артиллерийским и пулеметным огнем. После получения разборочного инструмента, было приступлено к разбору пути, какой и был закончен как раз в тот момент, когда броневики уже выходили из-за поворота дороги.

В 19 часов, когда части заняли новую позицию на левом берегу ре-

ки Паньковка, мною было приказано вновь разобрать путь впереди мостов железной дороги, что и было выполнено 2-ми и 4-м взводами.

Пулемет эскадрона занял позицию на левом фланге общего расположения наших частей, рядом с пулеметом 3-го Томского полка, согласно приказанию Командира того же полка. Задачей пулеметов была охрана подступов левого фланга по тракту, через деревянный мост и по железнодорожному пути, а также охрана переправы. В течение вечера было сооружено пулеметное гнездо и установлена охрана пулемета из бойцов 4-го взвода.

Ночью противник, используя отсутствие артиллерии с нашей стороны, при освещении костров исправлял разобранные нами пути на дальнем от реки расстоянии.

30 Июля в 8 часов утра с разъезда Паньковка вышел бронированный поезд и стал продвигаться вперед, исправляя разобранные нами пути на повороте линии.

Около 12 часов с поезда стали выходить красные и рассыпаться в цепь от линии железной дороги до берега Байкала, делая перебежки по направлению к деревянному мосту на тракте. Наши пулеметы обстреливали противника, находясь все время под сильным артиллерийским огнем, причем шрапнели разрывались в весьма близком (1 — 2 сажени) от пулеметного гнезда расстоянии.

Около 16 часов к мосту подошли еще два поезда с пополнениями. Несмотря на еще более интенсивный огонь противника из орудий и пулеметов, все попытки противника перехода реки были остановлены весьма удачной стрельбой нашего пулемета и соседнего, единственных защитников всего левого фланга нашей позиции.

Спустя некоторое время расположение наших пулеметов было обнаружено, благодаря открытой местности и отсутствию натуральной маскировки.

Одновременно с появлением броневиков показалась "Ангара", которая подошла к нашему левому

флангу на расстояние около $1\frac{1}{2}$ верст, зашла в тыл нашим окопам и стала обстреливать нас орудийным и пулеметным огнем.

Положение пулеметов, находившихся под перекрестным огнем, было особенно тяжелое. Несмотря на это они энергично действовали, засыпая противника градом пуль. Офицеры пулеметной команды: Подпоручик Часовников¹ и Подпоручик Лупиш — вели наблюдение за действиями пулемета и противника, во время которого первый из них был тяжело ранен пулей в шею и, после передачи медицинскому персоналу, скончался.

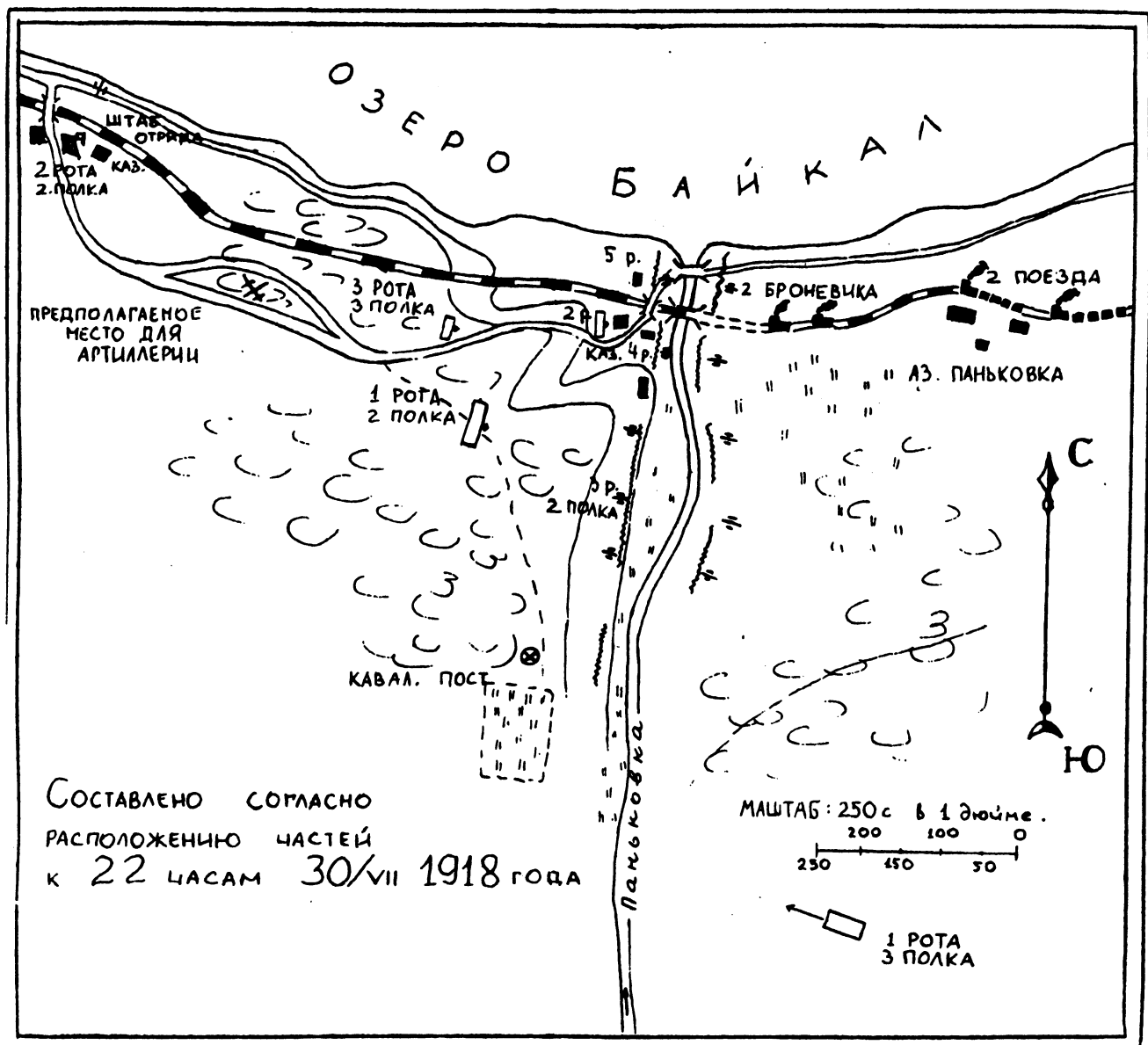
Обстрел противником нашей позиции продолжался всю ночь.

Рано утром 31 Июля противник возобновил наступление по всему фронту, причем наши пехотные части стали отступать. Попав под фланговый огонь противника, наши пулеметчики пытались переставить пулемет для нового обстрела наступающего противника. В это время пулемет наш был подбит огнем неприятеля и приведен в негодность, а начальник команды Подпоручик Лупиш был ранен разрывной пулей в живот.

После донесения в штаб 3-го полка о выбытии из строя двух номеров и пулемета (осталось всего три человека безо всякого прикрытия) было приказано оставшимся пулеметчикам выйти, по мере возможности захватив с собой подбитый пулемет. Последнее оказалось невозможным, оставшиеся три бойца из пулеметчиков, работая непрерывно $1\frac{1}{2}$ суток, не в силах были вынести не только пулемет, но и раненого смертельно товарища. Они ушли под градом пуль, захватив с собой лишь затыльник от Кольта.

В штабе полка, отступившем назад, не оказалось санитаров, которые бы могли перенести раненого в тыл. Впоследствии, одиночно отступавшие люди передали, что Подпоручик Лупиш покончил с собой выстрелом из Нагана.

¹ Или "Часовщиков".



Одновременно с этим эскадрон нес службу по охране правого фланга пехоты и ординарческую — при штабе полка. Ввиду большого расстояния Штаба полка от передовой линии после начала наступления противника и значительного количества срочных донесений, была установлена летучая почта. Позднее, когда отступавшие части сообщили, что противник обходит с правого фланга, из людей эскадрона

был установлен ряд пикетов по охране тракта и предупреждения попытки противника перерезать таковой.

В настоящее время, с момента отступления наших частей на реку Мурино, эскадрон несет ординарческую службу для связи летучей почтой Штаба дивизии с передовой линией.

За дни боёв Мурино — Паньковка — Выдрино с 25 Июля по 31

Июля эскадрон потерял: без вести пропавшими — 8 человек (в том числе — 3 офицера), 2 — умершими от ран, 2 — ранеными и 1 — контуженным. Лошадей: без вести пропало — 8, убито — 2, ранено — 1, больных — 46. Оставлен на позиции подбитый пулемет системы Кольта, винтовок 13 (в том числе — 8 пропавших без вести).

О действиях эскадрона за 26, 27, 28 и 29 Июля мною было доложено

Начальнику 1-ой Сибирской дивизии рапортом за № 188.

*Командующий 1-ым эскадронам,
Штабс-Капитан Плотников.*

**РЕЛЯЦИЯ боев у разъезда
Паньковки и реки того же
названия
за 29, 30 и 31 Июля 1918 года, в
которых принимал
участие 3-ий Томский Сибирский
Стрелковый полк,
2-ой Томский Сибирский
Стрелковый полк и 1-ый
Томский кавалерийский
эскадрон.**

Составлена 7 Августа 1918 года.
25 Июля в 20 часов полк прибыл
на станцию Утулик.

26 Июля в 18 часов я получил
приказание Начдива выступить на
станцию Мурино.

27 Июля в 4 часа полк прибыл на
станцию Мурино.

В 16 часов 28 Июля 4-я и 5-я
роты полка, команды разведчиков
и пулеметная сменяли 2-ой Том-
ский полк и прошли дальше по на-
правлению к разъезду Паньковка,
который и был занят полком в 18
часов того же дня.

После занятия разъезда Пань-
ковки вперед до 212-ой версты была
произведена разведка и выставлено
сторожевое охранение. Передовые
части противника были обнаруже-
ны по восточную сторону реки
Снежной и на станции Выдрино.
Разведка обнаружила, что станция
Выдрино и деревня Снежная заня-
ты пехотой и кавалерией противни-
ка. Перед станцией стоят броневик
и иногда делают набег вперед за
мост через реку Снежная.

Осмотрев местность от разъезда
Паньковка по направлению к стан-
ции Выдрино, я вместе с Подпол-
ковником Будкевичем разработал
план, которым преследовал захват
броневиков противника; по этому
плану части полка, а именно 4-я,
5-я и 2-я роты с командой разведчи-
ков и пулеметной, а также и взвод

кавалерии от 1-го Томского эскад-
рона должны были расположиться
впереди разъезда Паньковка воз-
можно ближе к станции Выдрино и
деревне Снежная. 1-я рота 3-го по-
лка должна была зайти в тыл про-
тивнику и там разрушить путь и
произвести смятение в рядах про-
тивника. Взвод кавалерии должен
был по сигналу взрыва пути пере-
йти реку Снежная и атаковать де-
ревню Снежная и станцию Выдри-
но со стороны Байкала.

Для выполнения этого плана 1-я
рота полка вместе с отрядом под-
рывников Войскового Старшины
Красильникова двинулась в обход в
15 часов¹ 28 Июля, а остальные ча-
сти были расположены следующим
образом: 5-я и 4-я роты с пулемета-
ми и командой разведчиков выста-
вили сторожевое охранение до 214-
ой версты, разобрав путь в двух ме-
стах и минировав посередине меж-
ду ними участок пути. 2-я и 3-я ро-
ты 3-го полка были подведены до
212-ой версты для смены 5-й и 4-й
рот. На левом фланге у деревянного
моста через реку Снежная занима-
ли участок один взвод 4-й роты и
один взвод кавалерии 1-го Томско-
го эскадрона. В резерве на станции
Мурино оставались три роты 2-го
Томского полка и три² взвода 1-го
Томского эскадрона.

В таком положении отряд нахо-
дился до 16 часов 29 Июля и ожидал
исполнения задачи 1-й ротой 3-го
полка.

Противник неожиданно пре-
дупредил исполнение плана, кото-
рый изложен³ был выше, и сам пе-
решел, с значительно превосходя-
щими силами, в наступление.

Начальник передовой линии
Подполковник Будкевич, желая
все-таки выполнить задачу, решил
пропустить наступавший впереди
броневик до места, где были зало-
жены мины, и тогда, по проходе
броневика, взорвать путь и, таким
образом, отрезать его.

Но оказалось, что броневик шел
не один: по сторонам его шли густые

цепи красных и не давали подойти
особенно близко к броневнику. Ко-
гда броневик приблизился к перво-
му пункту, где был разобран путь,
части противника, шедшие около
броневика, быстро починили часть
пути, и броневик двинулся далее.
Когда он дошел до минированного
места, взрыва не произошло, так
как шнур отсырел.

Наступающий противник стал
продвигаться дальше в таком же
порядке: броневик с двумя приспо-
собленными углярами, сопровож-
даемый цепями пехоты по обе сто-
роны. Когда броневик дошел до мо-
стика на речке Малая Мангила, на-
чальник передовой линии Подпол-
ковник Будкевич, опасаясь, что мо-
гут отрезать наши части, приказал
отступить к деревне Паньковка.

Когда я выяснил обстановку, и,
видя, что не имея артиллерии бо-
роться без подготовленной позиции
трудно, я решил отойти на лучшую
позицию и занять ее, дабы не нести
бесцельно лишних потерь.

Приказав Подполковнику Буд-
кевичу с частями, бывшими под его
командованием, задерживать на-
ступление, я приказал командиру
5-й роты 3-го полка с чинами своей
роты разобрать в нескольких мес-
тах путь, а сам заблаговременно
выбрал позицию около реки Пань-
ковки, на западном берегу ее (схе-
ма позиции и расположение частей
на таковой при сем прилагают-
ся⁴). После того, как я получил до-
несение от командира 5-й роты, что
пути разобраны достаточно основа-
тельно, я приказал частям всего от-
ряда постепенно отойти к новой по-
зиции и расположиться так как
показано на схеме.

Все части, одна за другой, вы-
шли и, перейдя через мост, заняли
новую позицию. Начальником ле-
вого участка позиции мною был на-
значен Штабс-Капитан Урбанков-
ский, а начальником правого уча-
стка — Штабс-Капитан Ерохин. В
22 часа 45 минут позиция на берегу
реки Паньковки была оборудована,

¹ Переправлено из "17".

² Переправлено из "один".

³ В тексте — "разработан".

⁴ Помещенная в публикации схема составлена на основе кроки, приложенных к реляции полковника Укке-Уговца.

и части приготовились встретить противника.

На позиции были расположены следующие части: 2-я, 3-я, 4-я роты и три пулемета 3-го Томского полка; 2-я и 1-я роты и два пулемета ружья 2-го Томского полка. Левому флангу позиции было приказано упорно оборонять переправу и деревянный мост через речку Паньковку. Резервы были расположены: два взвода 2-й роты 3-го полка — на левом фланге, и 3-я рота того же полка — за соединением 3-го Томского полка со 2-ым Томским полком. Начальнику правого фланга Штабс-Капитану Ерохину было приказано образовать и поместить резерв за правым флангом, а также подтянуть к резерву правого фланга пулеметы¹. На участке левого фланга на деревянный и железнодорожный мосты были высланы заставы от 3-й роты 3-го полка², чтобы своевременно предупредить подход противника.

В 20 часов заставы донесли, что броневики неприятеля появились на разъезде Паньковка и при свете фонарей починают разобранный путь.

К 24 часам позиция была окончательно приспособлена к встрече противника.

В 3 часа 30 Июля заставам пришлось отойти на западную сторону реки Паньковка, оставив по два часовых наблюдать около мостов, так как броневики противника и пехотные цепи начали двигаться по направлению к реке Паньковка.

В 4 часа броневики подошли к мосту. Около броневиков шло несколько человек рабочих с инструментами, а по бокам железнодорожной насыпи шла цепь. Приблизившись к месту разобранного пути, рабочие принялись за починку пути, а цепи двинулись к мосту.

По приближающемуся противнику был открыт пулеметный

огонь, заставивший отойти цепь и бросить починку.

В ответ на наше выступление броневики открыли беспорядочный артиллерийский огонь по нашей позиции, и через некоторое время начали медленно отходить назад.

В 9 часов подошел один из броневиков с прицепленными сзади вагонами, остановился в полуверсте от моста и открыл артиллерийский огонь и огонь из пулеметов, и начал высаживать пехотные части. Эту операцию с этим составом поезда проделывал несколько раз.

В 11 часов к разъезду подошел значительный эшелон и начал высадку людей в сторону тракта на берег Байкала.

Приблизительно в это время выяснилось намерение противника: вправо противником была выслана редкая цепь, которая должна была производить демонстрацию наступления (местность болотистая и трудно-проходимая), все же главные силы были брошены на наш левый фланг, дабы прорваться на железнодорожную насыпь и тракт.

Вследствие панического настроения правого фланга — 2-го Томского полка — я приказал подвинуть 3-ю роту 3-го полка на правый фланг и держать ее в резерве Штабс-Капитана Ерохина.

После приближения противника к опушке леса на берегу реки Паньковка недалеко от железнодорожной насыпи с целью переправиться через речку, с позиции был открыт ружейный и пулеметный огонь, заставивший противника отойти.

В это время противник на левом фланге под прикрытием пулеметного и артиллерийского огня попробовал переправиться через мост, но понес большой урон от нашего огня и принужден был отступить.

В 16 часов на озере Байкал был замечен пароход, шедший в сторо-

ну Слюдянки. При приближении парохода к нашему расположению броневики открыли артиллерийский огонь по нашим окопам; дав два продолжительных гудка, броневики прекратили стрельбу и отошли на разъезд.

В 18 часов пароход начал приближаться к нашим позициям и одновременно с разъезда подошли два броневика, позади броневиков остановился эшелон, из которого началась высадка красных.

В 20 часов противником был открыт огонь по нашим позициям с броневиков; в это же время подошел с Байкала пароход и начал фланговым огнем обстреливать нас. После достаточной артиллерийской подготовки противник, приблизившись к нашим позициям, перешел в атаку, но, попав под ураганный огонь, пулеметный и ружейный, отступил.

После отступления в тылу противника можно было слышать ружейную стрельбу и крики: “Вперед!”

После отступления противника на некоторое время стрельба затихла, и из резерва мною была выслана к 23 часам 5-я рота 3-го Томского полка. Подошедшая рота была частью влита в цепь 2-й роты 2-го Томского полка.

В 2 часа 31 Июля 3-я рота 3-го Томского полка была отведена в полковой⁴ резерв. По распоряжению Штабс-Капитана Ерохина 5-я рота 3-го Томского полка была поставлена в батальонном⁵ резерве, а 2-я рота 2-го Томского полка была сменена 3-й ротой того же полка. 2-я рота 3-го Томского полка была сменена командой разведчиков и частью 5-й роты того же полка.

К 4 часам противник вновь начал наступление, подошли броневики и открыли артиллерийский огонь по левому флангу и начали наступать на левый фланг значи-

¹ Далее вычеркнуто: “которые по какой-то причине не были командиром 2-го Томского полка совершенно высланы на позицию”.

² Далее вычеркнуто: “затем”.

³ В тексте — “намерение противника”.

⁴ Переправлено из “далекий”.

⁵ Переправлено из “близком”.

тельными силами. В продолжении часа старались части противника переправиться через речку и мост, но каждый раз дружным огнем разведчиков и пулеметов были отбиваемы.

Вследствие упорного наступления противника на левый фланг я выслал 2-ю роту 3-го Томского полка по линии железной дороги так, чтобы на случай прорыва фланга она могла восстановить фланг, перейдя в контр-атаку.

В 6 часов опять начался натиск противника на левый фланг, и одновременно противник двинулся и на правый фланг небольшими цепями. Вследствие прорыва между полуротами 3-й роты 2-го Томского полка там произошло замешательство, и 3-я рота, не дождавшись принятия каких-либо мер для ликвидации прорыва, стала отходить назад.

Получив донесение об этом я послал на правый фланг из своего резерва 2-ю¹ роту 2-го² Томского полка, но таковая рота не успела вовремя дойти до места, ввиду поспешного отступления 3-й роты 2-го Томского полка. В момент высылки 2-й³ роты на поддержку правого фланга, прибывшим по моим настойчивым просьбам легким орудием, с большим опозданием выбравшим⁴ позицию, было сделано два выстрела, но даже и морально такое позднее вступление артиллерии уже поддержать стойкость частей, находившихся столь продолжительное время под губительным

огнем артиллерии и пулеметов, не смогло, а потому, узнав о прорыве правого фланга, я донес об этом Начальнику Дивизии и приказал артиллерии, выпустившей еще два снаряда, уезжать назад, а также левому флангу отступать перекатами. Командиру 5-й роты 3-го Томского Сибирского стрелкового полка приказал вновь разобрать в нескольких местах путь позади наших позиций и приказал отойти с позиции до домика ремонтных рабочих на 208-ой версте.

Части, стоявшие на позиции, стали медленно отходить к указанному мной пункту, а артиллерия выехала обратно на станцию Мурино.

В 8 часов я получил приказание от Начальника Дивизии отойти за станцию Мурино, так как бывший в резерве Барнаульский полк, стоявший на станции Мурино, выбрал позицию и занял ее, а станция очищена совсем. Получив такое приказание, я, с частями вверенного мне отряда, начал отходить на станцию Мурино, а с нее и дальше, через мост реки Мурино.

В 10 часов 25 минут я прошел станцию, и в 11 часов части, бывшие в бою под разъездом и рекой Паньковкой, отошли в резерв, а позицию на реке Мурино занял Барнаульский полк. После некоторого времени, когда полки сосредоточились, 2-ой и 3-ий Томские полки пошли на разъезд Салзан, а с него — на станцию Утулик, куда полки и прибыли в 22 часа 40 минут.

Главным фактором отхода с позиции Паньковки послужило полное отсутствие артиллерии с нашей стороны и наоборот, нахальство броневиков противника, которые подходили благодаря этому на 500 шагов и стреляли почти в упор из орудий картечью, а также и парохода "Ангара", который подходил так близко к берегу, что стрелял даже из пулеметов по нашему левому флангу; а второе — отвратительная погода: шел все время дождь, люди все промокли, обогреться и обсушиться было негде, так как близлежащие домики все были разбиты.

Потери отряда за трех-дневный бой следующие:

2-ой Томский полк: убитых — 9, раненых — 14, контуженных — 8, без вести пропавших — 12.

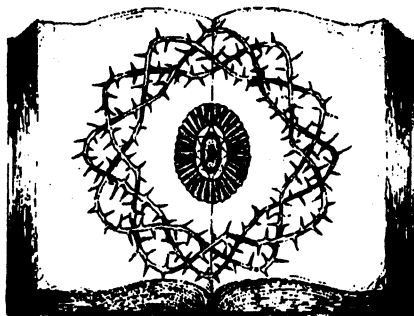
3-ий Томский полк: убитых — 8, раненых — 21, контуженных — 11, без вести пропавших — 27.

1-ый Томский эскадрон: убитых — нет, раненых — 2, контуженных — нет, без вести пропавших — 8.

Кроме того, разбито артиллерией шесть пулеметов и две пулеметные двуколки.

Потери получились преимущественно от артиллерийского огня, от ружейного предохраняли хорошо оборудованные окопы.

Командир 3-го Томского Сибирского стрелкового полка,
Полковник Укке-Уговец.
(Окончание следует)



¹ Переправлено из "3-ю".

² Переправлено из "3-го".

³ Переправлено из "3-й".

⁴ В тексте — "выбравшей".

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№1 (130)

Январь — март 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ.....	1
<i>Андрей Балашов</i> “МОЙ СЛАВНЫЙ СТАРЫЙ ПОЛК”	2
<i>С.Липатов</i> ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ НЕЗРИМОЙ ВОЙНЫ. Борьба русской и германской разведок в Первую Мировую войну	7
<i>М.Барятинский, М.Коломиец</i> БРОНЕАВТОМОБИЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ	11
<i>А.Кондратьева</i> “ОНИ ВЕРИЛИ В РОССИЮ ...” (<i>Бои юнкеров в Москве в октябре — ноябре 1917 г.</i>).....	15
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ САЛЗАН. Из истории Гражданской войны на Востоке России летом 1918 года (<i>Подборка документов</i>).....	22

Главный редактор **А. ДЕРЯБИН**
Соучредители **А.ВАСИЛЬЕВ, А.ЕЗЕЕВ, А.КРУЧИНИН**
Художники **В.МИЛЬКО, В.ТИТОВ**

© “ВОЕННАЯ БЫЛЬ”, 1993 При участии Издательской фирмы “А.В. Туров”.

Перепечатка только с разрешения редакции.
При перепечатке ссылка на “Военную Быль” обязательна.

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по
защите свободы печати и массовой информации.
Свидетельство о регистрации №А-0154 от 10 декабря 1992 г.



1918 г.

Вѣчная память павшимъ героямъ!